

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Н. Н. ПОПЕ

**ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ
РУКОПИСЬ НА БЕРЕСТЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. Н. ПОПЕ

**ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ
РУКОПИСЬ НА БЕРЕСТЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор: акад. В. В. Струве

ВВЕДЕНИЕ

В 1930 г. на левом берегу Волги, почти против Увека, близ сел. Терновки (Подгорного), на территории Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья колхозниками, занятыми рытьем котлована для силосной ямы, была обнаружена в земле берестяная коробка, содержащая небольшую рукопись, писанную на бересте. Рукопись была передана колхозниками в республиканский музей, находящийся в г. Энгельсе, откуда она была переслана на выставку в Государственный Эрмитаж в Ленинграде.

По сведениям, полученным из Саратова от научного работника А. А. Кроткова, вместе с рукописью были найдены костяное перо и бронзовая чашечка с остатками туши.

Далее, мы узнали от т. Синицина, присутствовавшего на нашем предварительном сообщении о результатах изучения рукописи, сделанном в Государственном Эрмитаже в начале 1938 г., что произведенное впоследствии археологическое обследование места этой находки обнаружило там остатки золотоордынского поселения, в нескольких километрах от которого находилось аналогичное поселение. Было также установлено, что рукопись, чашечка (очевидно служившая чернильницей) и перо были извлечены из погребения, датируемого XIV ст., но по археологическим признакам могущего быть отнесенным и к XV ст. Погребение это носит характер рядового погребения, не богатого и не знатного.

По получении рукописи в Государственном Эрмитаже была предпринята реставрация ее, заключающаяся в очистке ее от земли, расправлении покоробившихся и слипшихся листков и в заделке их в целлулоид. Снятые с рукописи фотографии были переданы специалистам для определения языка, на котором она написана. На основании того, что рукопись писана уйгурским шрифтом, она была априорно определена сотрудниками Государственного Эрмитажа как уйгурская, однако, видевшие рукопись тюркологи могли обнаружить уйгурские слова лишь на некоторых фрагментах, значительная же часть рукописи, и притом наиболее сохранившаяся, была ими признана не уйгурской. Когда снимки с рукописи были переданы нам, мы установили, что значительная часть ее содержит монгольский текст, остальные же фрагменты были, на основании немногих сохранившихся и ясно читаемых слов, признаны уйгурскими также и нами.

Находка эта представляет большой интерес и притом для монголистов, вероятно, значительно больший, чем для тюркологов, ибо рукопись в одной своей части принадлежит к наиболее ранним памятникам монгольской письменности, и к тому же она была обнаружена в Поволжье, т. е. на территории Золотой Орды, являясь тем самым первой находкой этого рода. Это обстоятельство заставляет нас исследовать рукопись с большой тщательностью.

Ограничиваясь в отношении уйгурской части рукописи лишь небольшим описанием ее, мы основное внимание уделяем монгольской части рукописи, которую нам удалось полностью прочитать и перевести. Удалось восстановить даже некоторые поврежденные места текста. Забегая несколько вперед, укажем, что содержание монгольской рукописи образуют стихи, что несколько облегчает задачу дешифровки ее, так как, исходя из законов аллитерации, параллелизма и т. д., можно без особого труда восстановить ряд строк.

Всего рукопись состоит из 25 фрагментов, из которых 19 содержат текст с обеих сторон — на лицевой стороне и на оборотной, а 6 исписаны только с одной стороны. Монгольский текст содержат лишь 6 фрагментов, а остальные образуют уйгурскую часть рукописи. Как уже сказано выше, наибольшей сохранностью отличается монгольская часть рукописи, в состав которой входит несколько полностью сохранившихся страниц, размеры которых колеблются между 85×95 и 85×100 мм, из чего следует, что первоначальный формат рукописи был 85×95 (100) мм.

Сохраняя нумерацию фрагментов, данную им после реставрации в Государственном Эрмитаже, рассмотрим сперва те из них, которые содержат текст на уйгурском языке, с тем чтобы перейти к основной теме нашей работы — к монгольскому тексту рукописи.

I фрагмент сохранил на лицевой стороне четыре строки, из которых первая содержит лишь одно слово, а именно *egdilti* 'был воспитан'. Остальные строки содержат какие-то имена собственные и титулы соответствующих лиц, напр., третья строка: *tügel qutluq sengün bai* 'Тугел Кутлуг Сенгун Бай' ('Совершенно Счастливый Сенгун богач'), где *sengün* является титулом, имеющим китайское происхождение.¹ Этот фрагмент представляет собой правую часть листка, что видно по прямому обрезу справа. Левая часть не сохранилась.

II фрагмент сохранил на лицевой стороне шесть строк и семь строк на оборотной стороне. Сохранилась левая часть, т. е. начало листка, что видно по прямому обрезу налево. На лицевой стороне отчетливо читается почти в каждой строке повторяющееся слово *qur* 'поле' и в пятой строке слово *kümtüš* 'серебро'. Последнее видно и в пятой строке оборотной стороны.

III фрагмент очень плохой сохранности. Видны лишь следы двух строк на каждой стороне (лицевой и оборотной), а отчетливо читаются лишь некоторые знаки. Одна сторона листка оборвана, а другая цела, что видно опять-таки по прямому обрезу.

¹ W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928, стр. 292.

IV фрагмент тоже плохой сохранности. Видны лишь следы трех строк, из которых первая сохранила несколько ясно читаемых знаков. Правая часть листка представляет собою конец его. Левая же, т. е. начало, не сохранилась. На оборотной стороне этого фрагмента не написано ничего.

V фрагмент содержит текст на обеих сторонах. На лицевой стороне сохранились две строки, на оборотной — четыре. Прямой обрез слева лицевой стороны показывает, что это начало листка. На лицевой стороне мы ясно читаем во второй строке *birle etilür* 'делается при помощи' (того, к чему относится *birle*; соответствующее слово не сохранилось). На обороте в первой строке ясно читается *köngül* 'сердце', во второй строке — *edgü baqši* 'хороший учитель'.

VI фрагмент очень плохой сохранности. Он представляет собой части двух сшитых листков. На обеих сторонах сохранились лишь следы отдельных строк.

Под номером VII идут два небольших фрагмента, представляющих собою лишь кусочки листков. На них видны лишь отдельные знаки.

VIII фрагмент несколько лучшей сохранности. На одной стороне видны следы четырех или пяти строк, на другой — отчетливо сохранились пять строк.

IX фрагмент содержит на лицевой стороне две первые строки. Вторая часть утрачена. На оборотной стороне сохранились три последние строки. Во второй строке на лицевой стороне фрагмента отчетливо читается *belige qur quša* 'повяжи пояс на своей талии!'.

X фрагмент очень плохой сохранности. Он представляет собой части двух смежных сшитых листков, из которых лишь левая часть сохранила следы четырех строк, т. е. последних четырех соответствующей страницы. На оборотной стороне текста нет.

XI фрагмент средней сохранности. Хотя он в середине прорван, он представляет собою почти полностью сохранившийся листок рукописи. Более или менее прямые обрезы с обеих сторон показывают, что сохранились как начало, так и конец листка. На лицевой стороне сохранилось восемь строк, на обороте — шесть, т. е. полное количество их. Отдельные слова читаются ясно, напр., на лицевой стороне во второй строке *külgen* 'смеявшийся', на оборотной стороне во второй строке *qılmasun* 'пусть не делает!'

Этот фрагмент представляется нам наиболее ценным, так как пятая строка оборотной стороны писана знаками так называемого квадратного письма, введенного императором Хубилаем в 1269 г. и бывшего в употреблении, судя по дошедшим до нас памятникам, до 1351 г. Эта единственная строка, писанная знаками квадратного письма, делает возможной приблизительную датировку рукописи, относимой нами к началу XIV в.

В этой строке мы читаем *ral-baq-ši-č'a*, где *baq-ši* — целое слово, со значением 'учитель'. Начальный слог *ral-*, вероятно, конец имени, а конечный слог *č'a* — начало следующего слова.

В последней строке оборотной стороны мы читаем *tngrī yin*, что является монгольской формой генитива от *tngrī* 'тенгри', 'небожитель'.

XII фрагмент представляет собою часть шитых по середине, сильно поврежденных листков, на которых можно с трудом разглядеть следы строк.

XIII фрагмент тоже сильно поврежден и представляет собою лишь незначительную сохранившуюся часть листка, исписанного с обеих сторон. На лицевой стороне сохранились три строки, на оборотной — неполные четыре. Отдельные слова читаются ясно.

XIV фрагмент сильно поврежден. На одной стороне его сохранились неполные четыре строки. Немногие сохранившиеся слова читаются с трудом.

С некоторой уверенностью мы читаем слово во второй строке, как *bosumla* 'груша'.¹

XV фрагмент несколько лучшей сохранности. Здесь сохранились довольно хорошо семь строк на каждой стороне — на лицевой и на оборотной. Лицевая сторона представляет собою начало страницы, а оборотная — конец. Многие слова сохранились вполне ясно и читаются без труда.

Так, на лицевой стороне в разных строках повторяется слово *oylan* 'юноша', 'мальчик', 'слуга', а стоящие перед ним слова могут быть именами собственными. На оборотной стороне мы ясно читаем в пятой строке *ёектеп тон* 'суконное одеяние'.

XVI фрагмент тоже хорошей сохранности и представляет собою почти целый листок. На лицевой и оборотной сторонах сохранилось целиком по шесть строк, т. е. повидимому все строки. На лицевой стороне перечисляются какие-то реки: много раз под ряд встречается слово *йгүз* 'река', которому каждый раз предшествует название соответствующей реки.

На оборотной стороне в пятой и шестой строках повторяется ясно читаемое слово *тархан* 'тархан' (золотоордынский титул).

XVII фрагмент плохой сохранности. Видны лишь следы пяти строк. Обратная сторона не уцелела.

XVIII фрагмент несколько лучшей сохранности. На лицевой стороне уцелели пять строк и столько же на оборотной. Однако на лицевой стороне отпечатались под влиянием сырости отдельные слова и знаки с другого листка, что несколько затрудняет чтение. На оборотной стороне мы уверенно читаем в четвертой строке слово *етсеки* 'его (resp. 'ее') соски'.

Сделанные замечания относительно отдельных фрагментов уйгурской части рукописи носят самый общий и поверхностный характер. Полагая, что эта часть рукописи привлечет внимание специалистов, мы ограничиваемся сказанным.

Для нас было достаточно отделить монгольские фрагменты, и на основании отдельных с уверенностью прочитанных слов уйгурской части рукописи нам удалось установить, какие из них относятся к уйгурской части. После этих предварительных замечаний мы переходим непосредственно к монгольской части рукописи.

Свое исследование монгольской части рукописи мы строим по следующему плану: сперва даем разбор отдельных фрагментов рукописи, затем делаем опыт полного, насколько это возможно, восстановления первоначального текста.

¹ См. словарь Радлова, т. IV, 1294.

чального текста и, наконец, делаем вытекающие из изучения рукописи лингвистические и культурно-исторические выводы.

Рукопись — фрагментарна. Тем не менее значительную часть текста, представляющего собою стихи, восстановить удастся.

При восстановлении текста отдельных фрагментов мы заключаем все восстановленные слова и строки в [], а при вторичном восстановлении полного текста мы заключаем все наши дополнения, относящиеся к совершенно утраченным частям рукописи, в [[]].

Монгольский текст состоит из шести фрагментов. Фрагментам нами дана нумерация XIX—XXIV. По описи Государственного Эрмитажа фрагменты монгольского текста числятся за № 19 и сл. (табл. XIX и сл.).

ЧТЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ

Фрагмент XIX

(Размеры: 90 × 85 мм)

Лицевая сторона XIXa

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6
ᠠᠶᠰᠠᠨ	ᠡᠵᠡᠨ	ᠢᠨᠢ	ᠬᠠᠲᠢᠵᠢ	ᠶᠡᠨ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠶᠰᠠᠨ	ᠡᠵᠡᠨ	ᠢᠨᠢ	ᠬᠠᠲᠢᠵᠢ	ᠶᠡᠨ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠶᠰᠠᠨ	ᠡᠵᠡᠨ	ᠢᠨᠢ	ᠬᠠᠲᠢᠵᠢ	ᠶᠡᠨ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠶᠰᠠᠨ	ᠡᠵᠡᠨ	ᠢᠨᠢ	ᠬᠠᠲᠢᠵᠢ	ᠶᠡᠨ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠶᠰᠠᠨ	ᠡᠵᠡᠨ	ᠢᠨᠢ	ᠬᠠᠲᠢᠵᠢ	ᠶᠡᠨ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠶᠰᠠᠨ	ᠡᠵᠡᠨ	ᠢᠨᠢ	ᠬᠠᠲᠢᠵᠢ	ᠶᠡᠨ	ᠠᠶᠢᠨ

Транскрипция

1. *aγsan eḡen-e¹ inu qatıḡu²*
2. *quriyaḡu abtaqu čī čaγ-a³*
3. *...inu⁴ buraqan⁵ eḡen.....⁶*
4. *...uḡu⁷ kürbesü bosaḡ.....⁸*
5. *.....bo⁹.....*
6. *.....ud¹⁰.....*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Начальный *e* передается в нашей рукописи в ряде случаев особым начертанием, состоящим из двух зубцов, вроде того как обычно передается

в монгольском письме *a*. Конечный *e* в слове *eĵen-e* (dativus-locativus от *eĵen* 'властитель', 'господин') сильно загнут и пишется так же, как «откидное» *a*, напоминая слегка знак для *i* в более новых рукописях.

² Слово *qamiĵu* в средней своей части читается не совсем ясно, так как слог *mi* несколько расплылся и представляет собою темное пятно. Слово *qamiĵu* представляет собою соединительное деепричастие глагола *qami-* 'убирать', 'собирать в одно', 'прибирать', 'забирать', 'захватывать'.

³ Слово *ĵau-a* встречается на протяжении всей рукописи. Значение его — 'дитя', 'дитяtko', 'мальчик'. Слово это малоупотребительно в языке классической письменности.

⁴ Слоги *ini* представляют собой конец слова *mini* 'мой', относящегося к *ĵau-a* 'дитя' предыдущей строки. Слово *ĵau-a* на всем протяжении текста рукописи имеет везде определение *mini* 'мое'.

⁵ Обращает на себя внимание написание *buraqan*, чему в монгольской письменности соответствует более правильное написание *burqan* 'будда', 'бог': лишним оказывается *a* после *r*. Здесь *buraqan* является определением к *eĵen* 'властитель'. Мы переводим *buraqan eĵen* как 'божественный властитель'.

⁶ Слово *eĵen* обрывается: отсутствует окончание *dativi-locativi*, которое следует здесь предполагать не только по общему смыслу контекста, но и на том основании, что это окончание наличествует во всех других аналогичных местах рукописи, содержащих параллельные стихи.

⁷ Слоги *uĵu* представляют собою конец какого-то слова, по форме являющегося соединительным деепричастием. Относится оно к *kürbesü* 'если достигнешь', 'когда достигнешь'. Сочетание....*uĵu kürbesü* значит 'если делая то-то и то-то достигнешь'.

⁸ Слово *bosay* обрывается: отсутствует конечное *a*. Слово *bosay-a* значит 'порог'. В классической письменности ему соответствует *bosuy-a*, с *u* во втором слове. Так как гласные непервых слогов в живой речи являются редуцированными, правописание их в разных памятниках, как старых, так и новых, подвержено колебаниям.

⁹ Вся пятая строка сильно повреждена и прочесть можно только слог *bo*, который мы считаем первым слогом слова *bosay-a*. Мы восстанавливаем слово *bosay-a* на том основании, что имеем его в предыдущей строке. Текст рукописи содержит, как уже сказано выше, стихи. Сопоставляя разные фрагменты, мы устанавливаем наличие следующих стихов, заключающих в себе параллельные строки:

- XXV 7. *ĵebe dora unajū ög*
 ĵebe dora unaba
 'упади под острием!
 Упал под острием?;
- XXIa 2—3. *arqayun dora unajū ög*
 arqayun dora unajū
 'упади под перекладиной!
 Падая под перекладиной?;

XXIб 4—5. . . . a dora unaḡu ög q . . .
 . . . a dora unaba
 ‘упади под . . . !
 Упал под . . . ’

Как видно, за фразой «упади под тем-то и тем-то!» следует фраза «упал под тем-то и тем-то» (повторение названия соответствующего предмета). Это позволяет нам предложить следующего рода реставрацию текста строк 4—6 первого фрагмента: *bosaḡ[-a dora unaḡu ög] bo[saḡ-a dora unaba]* ‘упади под порогом! Упал под порогом’.

¹⁰ На шестой строке можно разобрать знаки для *ud*. Восстановить это слово с уверенностью мы не беремся.

Восстановленный текст

1. aḡsan eḡen-e inu qatuḡu
2. quriyaḡu abtaqu či čaḡ-a
3. [m]inu buraqan eḡen[-e inu]
4. uḡu kürbesü bosaḡ[-a dora
5. unaḡu ög] bo[saḡ-a dora
6. unaba] ud

Перевод

1. Будучи забираемо бывшим властителем и
2. собираемо, будешь взято ты, дитя
3. мое. Божественного властителя
4. когда . . . достигнешь, [под порогом
5. упади! Под порогом
6. упал]

† *Оборотная сторона XIXб*

Монгольский текст

1	2	3	4	5
...
ᠠᠭᠰᠠᠨ	ᠡᠭᠡᠨᠡ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ	ᠤᠨᠤ
ᠠᠳᠤᠷᠠᠭᠠᠨ	ᠠᠳᠤᠷᠠᠭᠠᠨ	ᠠᠳᠤᠷᠠᠭᠠᠨ	ᠠᠳᠤᠷᠠᠭᠠᠨ	ᠠᠳᠤᠷᠠᠭᠠᠨ
ᠠᠨᠠᠭᠤ	ᠠᠨᠠᠭᠤ	ᠠᠨᠠᠭᠤ	ᠠᠨᠠᠭᠤ	ᠠᠨᠠᠭᠤ
ᠠᠨᠠᠪᠠ	ᠠᠨᠠᠪᠠ	ᠠᠨᠠᠪᠠ	ᠠᠨᠠᠪᠠ	ᠠᠨᠠᠪᠠ
ᠠᠳᠤ	ᠠᠳᠤ	ᠠᠳᠤ	ᠠᠳᠤ	ᠠᠳᠤ

Транскрипция

1.¹ *ü* ¹ *ül* . . . *jü* ² *yaγu*³
2.⁴ *btegedkü* ⁴ *budangγadču* ⁵⁶
3. *ejen-e inu* ⁷⁸
4. *irejü abtaqu či čaγ-a*
5. *minu. erdem-tü sayin itelgü* ⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поврежденное слово. Разобрать можно только *jü*, что по окончанию является деепричастием соединительным какого-то глагола.

² Это слово тоже повреждено. Ясно читаются *ül* . . . *jü*, что по форме является деепричастием соединительным. Таким глаголом может быть *üle*- 'оставаться'. Слово это мы восстанавливаем как *ülejü* 'оставаясь'.

³ После *yaγu* 'что' должно следовать какое-то слово, так как до нижнего (оторванного) края страницы остается достаточно места. Следующая строка начинается со слова, восстанавливаемого как *kebtegedkü* 'следует лежать' от глагола *kebte*- 'лежать', играющего здесь роль вспомогательного глагола. Однако, привлекая для сравнения все аналогичные места, мы приходим к выводу, что оставшееся ниже слова *yaγu* место было оставлено незаполненным. В самом деле, мы имеем следующие случаи:

XXV 8. *kürčü yaγu kebtegedkün* 'зачем достигать?';

XXIa 4. *kürčü yaγu ke[btegedkü] id.*;

XXIб 6. *üjejü yaγu kebtegedkü* 'зачем смотреть?'. .

Из этого сопоставления вытекает, что строки 1—2 оборотной стороны первого фрагмента должны быть восстановлены как. . . *ül[e]jü yaγu kebtegedkü* 'и зачем оставаться?'

⁴ Первое слово второй строки повреждено: сохранилось лишь *btegedkü*, что может быть восстановлено только как *kebtegedkü*, форма долженствования глагола *kebte*- 'лежать', здесь и в дальнейшем играющего роль вспомогательного глагола.

⁵ Слово *budangγadču* представляет собою соединительное деепричастие от *budangγad*-. В письменном монгольском языке имеется слово *budungγui* 'мутный', 'помраченный', 'глухой'. Отсюда образован глагол *budangγad*- 'помутиться, омрачиться'. В оригинале мы имеем здесь во втором слогe *a*, что объясняется неустойчивостью написаний гласных непервых слогов, о чем уже говорилось в примечании восьмом к лицевой стороне фрагмента.

⁶ За словом *budangγadču* имеется достаточно места, где следует предполагать во всяком случае одно слово. В следующей строке первым словом идет *ejen-e inu*, следовательно, между *budangγadču* и *ejen-e inu* должно быть какое-нибудь слово. Синтаксически таким может быть только причастие, ибо деепричастие *budangγadču* само по себе не может быть определением к имени. Таким причастием может быть *aγsan* 'бывший', и, действительно, после *budangγadču* виден знак, похожий на *a*, представляющий собою пер-

вую букву поврежденного слова. Вторую и третью строки мы восстанавливаем поэтому так: *budangγadču [aγsan] eγen-e inu* 'к властителю, бывшему омрачаясь', т. е. 'к омрачавшемуся властителю'.

⁷ Слова *eγen-e inu* читаются с трудом.

⁸ За *inu* должно следовать еще какое-то слово. На следующей строке первым идет *irejü* 'приходя'. Сопоставляя разные места рукописи, мы можем предполагать здесь деепричастную форму соединительную какого-то глагола. Ср. следующие строки:

XIXa 1—3. *aγsan eγen-e inu qamiγu quriyaγü abtaqu či čaγ-a minu* 'бывшим властителем, будучи забираемо и собираемо, будешь взято ты, дитя мое';

XXГ 1—2. *γayaγatu sayin eγen-e inu γarčilaγu eriγü abtaqu či čaγ-a minu* 'судьбою данным прекрасным властителем на службу, будучи разыскиваемо, будешь ты взято, дитя мое'.

На основании этого сопоставления мы восстанавливаем строки 2—5 оборотной стороны первого фрагмента следующим образом: *budangγadču [aγsan] eγen-e inu [. . . γu] irejü abtaqu či čaγ-a minu . . .* 'и приходя к омрачавшемуся властителю, будешь ты взято, дитя мое'. Деепричастие какого глагола должно предшествовать слову *irejü* 'приходя', — сказать, конечно, невозможно, и мы не беремся его восстанавливать. Так как слово это должно аллитерировать с *budanγadču*, оно должно начинаться слогом *bu*.

⁹ Слово *itelgü* имеет значение «кречет». Здесь, очевидно, мать обращается к сыну, называя его кречетом.

Восстановленный текст

1. *γu üll[e]γü yaγu*
2. *[ke]btegdekü budangγadču [aγsan]*
3. *eγen-e inu [bu γu]*
4. *irejü abtaqu či čaγ-a*
5. *minu. erdem-tü sayin itelgü*

Перевод

1. и зачем
2. оставаться? К омрачавшемуся
3. властителю и
4. приходя, будешь ты взято, дитя
5. мое. Достойный и прекрасный кречет!

Фрагмент XX

(Размеры: 85 × 155 мм)

Фрагмент этот представляет собою обрывок двух соединенных (сшитых) между собою листов книги. На левом обрывке, на лицевой стороне, можно разобрать только одну строку, остальные же не сохранились, хотя следы их видны. Правый обрывок содержит на лицевой стороне четыре строки. На оборотной стороне можно прочесть: на обороте левого обрывка — восемь строк, на обороте правого — тоже восемь строк.

Лицевая сторона XXa—XXб

Левая часть XXa

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6
.	ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ
.	
.	
.	
.	
.	
.	
.	
.	
.	
.	
.	
.	

Транскрипция

6. *aγulʒaldui*¹ *kemejü egüsbe*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С трудом разбирается *aγulʒaldui*, что мы восстанавливаем как *aγulʒaldui-a* (*aγulʒalduy-a*). Слово это не дописано. Оно является формой обращения 1-го л. мн. ч. от *aγulʒaldu-* 'встретиться'.

Перевод

6. Встретимся!, говоря, отправился.

Правая часть XXб

Монгольский текст

1	2	3	4
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ
ᠠᠭᠤᠯᠢᠵᠠᠯᠳᠤᠢ	ᠬᠡᠮᠡᠵᠢᠶᠢ	ᠡᠭᠦᠰᠦᠪᠡ	ᠠᠶᠢᠨ

Транскрипция

1. *da*¹ *egerejü*² *kürčü irebesü*
2. *egüden*³ *dora*⁴ *yaγu qordaqu*⁵
3. *anda*⁶ *kümün-e*
4. *qu*⁷ *či ča*⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слог *da* представляет собою конец какого-то слова, окончание *dativi-locativi*. Мы полагаем, что это слово должно обозначать того, к кому должен прибыть сын, к которому обращается данный стих. Окончание *-da(-ta)* часто наблюдается в составе наречий, типа *nasuda* 'всегда', *urtuda* 'долго', *egüride* 'постоянно', а поэтому здесь можно предполагать также какое-нибудь обстоятельствоное слово.

² Слово *egerejü* — деепричастие соединительное глагола *egere-*. Существуют два глагола *egere-* (омонимы): 1) 'усиленно просить', 'домогаться', 'надеяться'; 2) 'вертеть', 'обступать', 'возвращаться'. Установить, который из двух глаголов мы имеем в данном случае, очень трудно, ибо контекст в равной степени допускает переводы «когда достигнешь, надеясь» и «когда достигнешь, возвращаясь». Условно мы переводим все же «надеясь».

³ Как слово *egerejü*, так и *egüden* имеют вначале знак для *e* в виде двух зубцов.

⁴ Слово *dora* всюду пишется с одним *o*, в классической же письменности оно имеет всегда два *o*.

⁵ Слово *qordaqu* (= письм. монг. *qoruda-*) значит «огорчаться».

⁶ Слово *anda*, читаемое с неуверенностью, является определением к *kümün-e* 'человеку'. Значение *anda* — 'друг', 'побратим', 'клятвенный', 'заклятый'. Здесь возможно любое значение этого слова, т. е. 'к дружественному человеку', 'к побратиму-человеку', 'к человеку, с которым связан узами побратимства', 'к человеку, с которым связан клятвой' и 'к заклтому человеку'.

Последнее значение здесь тоже может подходить, и все это место может пониматься следующим образом: «ты[отправишься, дитя мое,] к заклтому человеку», т. е. что сын отправится к человеку, не к дружественному, не к побратиму, но, наоборот, к заклтому врагу, в отношении которого этот сын связан с другими людьми узами клятвы кровной мести.

⁷ . . . *qu* является окончанием *oduqu* в контексте [*odu*]*qu či ča*[*γ-a minu*] 'отправишься ты, дитя мое'.

⁸ На основании сказанного в прим. 6 мы восстанавливаем *ča* как *čaγ-a minu* 'дитя мое'.

Восстановленный текст

1. *da egerejü kürčü irebesü*
2. *egüden dora yaγu qordaqu*
3. *anda kümün-e*
4. [*odu*]*qu či ča*[*γ-a minu*]

XXв 6. *sayin jaγalmai-a jaγu kürču irebe[sü]* ‘о прекрасный ястреб, когда ты достигая придешь’;

XXг 1—2. *jaγaγatu sayin ejen-e inu jarčilaγu erijü abtaqu či čaγ-a minu* ‘данним судьбой прекрасным властителем будешь ты взято на службу, будучи разыскиваемо, дитя мое’;

XXIIб 1—3. . . . [*sayi*]n ejen-e inu. . . . *kürbesü adayirtu tergen dora yaγu qordaqu* ‘когда ты. . . достигнешь. . . [прекрасного] властителя, зачем огорчаться под досчатой телегой?’

Для того чтобы решить, к какому отсутствующему во фрагменте слову относится *sayin*, необходимо установить, какие места рукописи представляют собою параллели к данному месту. Нетрудно заметить по немногим сохранившимся словам первых четырех строк фрагмента, что это место ближе всего к XXIIб 1—3 [*sayi*]n ejen-e inu. . . . *kürbesü adayirtu tergen dora yaγu qordaqu* ‘когда ты. . . достигнешь. . . [прекрасного] властителя, зачем огорчаться под досчатой телегой?’: в нашем фрагменте мы имеем слова *sayin*. . . *besü*. . . *qordaqu*, т. е. те же слова, что в XXIIб 1—3. На этом основании мы восстанавливаем первые четыре строки нашего фрагмента следующим образом:

1.
2. *g sayin [ejen-e inu]*.
3. [*kür*]besü. . . . [*dora yaγu*]
4. *qordaqu* и т. д.

² Слоги *besü* нами восстанавливаются по соображениям, высказанным в прим. 1, как *kürbesü*. За этим словом видны очертания еще одного слова, а далее страница обрывается. Это неразборчивое слово мы с неуверенностью читаем как *tergen* ‘телега’. Что же касается слова, которое должно было находиться после предположительного *tergen*, то таковым могло быть только *dora* ‘под’, за которым должно было следовать еще *yaγu* ‘зачем’. В предыдущем примечании было показано, что перед *qordaqu* стоят слова *dora yaγu qordaqu* ‘зачем огорчаться под. . .?’

Приведем еще одну параллель:

XXб 2. *egüden dora yaγu qordaqu* ‘зачем огорчаться под дверь?’ Как видно, перед *qordaqu* во всех случаях имеем *yaγu* ‘зачем’, а перед *yaγu* сочетание названия какого-нибудь предмета с *dora* ‘под’. Это дает нам право восстанавливать наш фрагмент следующим образом:

[tergen (?) dora yaγu] qordaqu
‘зачем огорчаться под телегой?’

³ Слово *qordaqu* уже объяснено выше в прим. 5 к XXб как «огорчаться».

⁴ Читается довольно ясно *jalayus*, форма множественного числа от *jalayū* ‘молодой’, ‘молодец’, ‘юноша’, а также ‘раб’, следовательно, может быть переведено как ‘молодые’, ‘юные’, ‘юноши’, ‘молодцы’ или ‘рабы’.

⁵ Слово *köbegüid* читается довольно ясно. Неуверенность мы испытываем лишь в отношении конечного знака: одинаково возможны *köbegüid* и *köbegün*.

Слово *köbegün* значит 'мальчик', 'отрок', 'сын', а также 'раб'; *köbegüd* — форма множественного числа. Мы склоняемся в пользу чтения *köbegüd*, так как перед тем имели *ǰalaγus* 'юноши', 'молодцы' и т. д. тоже во множественном числе. Синтаксически *ǰalaγus* и *köbegüd* — равные друг другу члены предложения и поэтому естественнее всего было бы ожидать формы множественного числа как здесь, так и там.

После *köbegüd* страница обрывается, но до нижнего края остается еще много места, где могли бы поместиться, во всяком случае, два слова. Пытаясь их восстановить или приблизительно определить, какие это были слова, мы должны исходить из следующей, пятой, строки. Там мы читаем: *samarγun oduqu či čaγ-a mi[n]u* 'ты отправишься в смятении, дитя мое', из чего следует вывод, что впереди стоящие слова *ǰalaγus köbegüd* 'юноши', 'мальчики', гесп. 'рабы' должны быть в дательном-местном падеже, т. е. *ǰalaγus köbegüd[tür]* . . . *samarγun oduqu či* 'ты отправишься в смятении к юношам, к мальчикам' (гесп. 'рабам'). Полную аналогию этого места представляет собою XXIIб 4—5: *γartu-da samarγun odu[qu] či čaγ-a minu* 'ты отправишься в смятении к обладающему рукой' ('руками').

⁶ Слово *samarγun* — деепричастие слитное глагола *samarγu-*, встречающегося в рукописи несколько раз. В письменномонгольском языке имеются слова, образованные 1) от той же основы *sama-*: *samaγu* ~ *samaγun* 'беспорядок', 'замешательство', 'расстройство', 'расстроенный', 'смутный', 'беспутный'; 2) от основы *samu-* (с *u||a*): *samiča-* 'спутываться', 'перепутываться'; *samura-* 'мешать', 'перемешать'; 3) от основы *sam-* (с нулем): *samsi-* 'рассеиваться', 'разрушаться', 'тратиться'; *samsiyul-* 'тратить', 'растратить', 'истреблять'; *samsiya-* id. Таким образом можно установить основы *sama-||samu-||sam-*. От первой из них образован глагол *samarγu-*.

Глагол *samarγu-* мы переводим 'расстраиваться', ибо близкие значения присущи всем перечисленным выше словам: «замешательство», «расстроенный», «спутываться», «перемешивать», «разрушаться» и т. д. Все образования от основ *sama-||samu-||sam-* имеют значение «расстраиваться», «приходить в расстроенное состояние» и т. п.

Глагол *samarγu-* встречается в следующих контекстах:

XXв 5. *samarγun oduqu či čaγ-a minu* 'ты отправишься, расстраиваясь, дитя мое';

XXIIб 4—5. *γartu-da samarγun odu[qu] či čaγ-a minu* 'ты отправишься, расстраиваясь, дитя мое, к имеющему. . . руки';

⁷ *mi. u. . .* легко восстанавливается как *minu* 'мой'.

⁸ Слово *ǰaγalmai-a* значит 'ястреб'. Частица *a* представляет собою частицу обращения. Сочетание *ǰaγalmai-a* 'о прекрасный ястреб' является параллелью к XIXб 5. *erdem-tü sayin itelgü* 'достойный и прекрасный крик'. Здесь мать обращается к своему сыну, называя его ястребом.

⁹ Слово это ясно читается как *ǰaǰu* или *ǰeǰü*, но таких слов в письменном монгольском языке нет. По форме — это деепричастие соединительное глагола *ǰa-* или *ǰe-*. Можно, конечно, читать и *ya-* или *ye-*, но мы склоняемся в пользу *ǰa-* или *ǰe-* на том основании, что здесь аллитерирующими словами являются *ǰa* или *ǰe*:

ǰaǰu kürčü irebe[sü]
ǰebe dora unajü ög
ǰebe dora unaba [ke]meǰü
ǰalidčü kürčü yaγu kebtegedkün
 'Когда ты придешь, достигая. . . (?)
 упади под острием!
 Оттого, что упал под острием,
 зачем лукавить?'

Что касается слова *ǰaǰu*, то, как уже сказано, это — соединительное деепричастие глагола с основой *ǰa-*. Основа *ǰa-* в письменно-монгольском языке неизвестна, но в диалектах форма *zaǰi* употребительна в значении «в упор», «вплотную» (досл. 'делая в упор', 'делая вплотную'). Поэтому *ǰaǰu* можно, в соответствии с данными диалектов, перевести как 'вплотную' или 'решительно'.

Разбирая это слово, следует указать, что односложных глаголов с открытым слогом типа *ǰa-* в письменно-монгольском языке, за исключением глаголов *a-* и *bü-* 'быть' и *ü-* 'гнить', 'портиться', мы вообще не знаем. Небезинтересно также отметить, что глагол *ü-* в живых монгольских языках имеет долгий гласный; ср. цонгольск. *ü-* 'гнить'. Долгим является гласный основы «быть» в дагурском: ср. там *āγü* 'быть'.

Так как гласный односложных открытых глагольных основ является всегда долгим, следует полагать, что и в *ǰaǰu* гласный произносился как долгий, т. е. что основой является *ǰā-*. Но это *ǰā-* не имеет ничего общего с халх. *ǰā-* 'показывать', 'указывать' = письм. монг. *ǰiγa-* или с калм. *ǰā-* 'разделять', *kerəg ǰā-* 'улаживать ссору' = письм. монг. *ǰaya-* (ср. письм. монг. *ǰayaλdu-* 'судиться', халх. *ǰāλdā-* id).

¹⁰ Слово *irebe* обрывается. Мы его восстанавливаем как *irebesü*, условное деепричастие глагола *ire-* 'приходить'. Полную аналогию представляет собою фрагмент ХХІБ. . . *eǰen-e inu simurγuǰu kürbesü*. . . *dora unajü ög*. . . . *dora unaba kemeǰügü qaraǰu üǰeǰü yaγu kebtegedkü qaraǰu* 'когда ты с решительностью достигнешь. . . властителя, упади под. . . Сказал, что упал под. . . Зачем глядеть и смотреть? Глядя. . .'. Как видно, ХХІБ очень близок к этому месту нашего фрагмента.

¹¹ Начало этой строки повреждено: видны лишь слоги *meǰü*, что на основании приведенного в прим. 9 параллельного места легко восстанавливается как *kemeǰü*, соединительное деепричастие глагола *keme-* 'говорить'.

¹² Слово *ǰalidčü* читается ясно. По форме — это деепричастие соединительное глагольной основы *ǰalid-*. В письменном монгольском языке ей соответствует *ǰalida-* 'пылать', 'коварствовать', 'строить козни', 'лукавствовать'; в калм. *ǰäl'd-* 'воспламеняться', 'пылать', 'быть прекрасным'. Значение «лукавствовать» здесь хорошо подходит. Поэтому мы можем четверостишие перевести следующим образом:

'Когда ты придешь, достигая вплотную,
 упади под острием!

Транскрипция

1. *e:ien-e simuryuǰu*¹ *kürbesü*²
2. *arqayun*³ *dora unajū ög*
3. *arqayun dora unaba*⁴
4. *ariyaǰu*⁵ *kürcü yaǰu keb*⁶
5. . . . *tu*⁷ *sayin eǰen*⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово *simuryuǰu* представляет собою деепричастие соединительное от глагола *simuryu-*, в словарях письменного монгольского языка не засвидетельствованного, точное значение которого нам неизвестно. С выше встретившимся глаголом *samarǰu-* он не имеет ничего общего, так как гласным первого слога здесь является *i*, а во втором слоге *u*. Соединительное деепричастие глагола *simuryu-* может быть сближено с бурятским *šimūhaǰu* 'решительный', вследствие чего здесь допустим перевод 'будучи решительным', 'отваживаясь', 'решительно', 'с решимостью'.

² После *simuryuǰu* можно с большим трудом прочесть *kürbesü* 'если достигнешь'. От слова этого сохранились лишь едва видные очертания.

³ Слово *arqayun* является формой *genitivī* от *arqay*. В письменномонгольском языке засвидетельствовано слово *arqay* в значении «край, кромка ткани», ср. калм. *arxax* *id*, тюрк. *arqaq* 'уток'.

Кроме того, монг. *arqay* имеет значение «тяжелая болезнь», ср. якутск. *arxax* 'недуг', 'болезненность', 'больной'. Наконец, в уйгурском словаре Махмуда Кашгарского мы находим слово *arqiq* 'перекладина между двумя стенами или колоннами'. Последнее значение здесь подходит больше всего: 'упади под перекладиной!' В одном из стихов в другом месте мы встретили такую фразу: 'зачем огорчаться под дверью?' Как видно, дверь — перекладина хорошо подходят друг к другу.

⁴ Слово *unaba* 'упал' читается с трудом, но подтвердить это чтение нетрудно, так как аналогичные этому стихи содержат его. За словом *unaba* должно следовать еще одно. Мы восстанавливаем его как *keteǰū* 'говоря' на основании следующего параллельного стиха:

XXIБ 4—5. *a dora unajū ög* *a dora unaba keteǰū* и т. д. 'упади под! Сказал что упал под. . .'.

⁵ Читается неясно *ariyaǰu*. Ср. в Юань-чао би-ши *ariyaхи* 'быть недоверчивым'.¹

⁶ Сохранившееся *keb* мы восстанавливаем как *kebtgedeki*: ср. параллели, приводимые в прим. 3 к XIXБ.

⁷ Слог *tu* является окончанием несохранившегося слова. Дальше идет *sayin eǰen*. Следовательно. . . *tu* является определением к *eǰen*: ср. XX г 1 *ǰayaǰatu sayin eǰen-e inu* и т. д. 'к данному судьбой прекрасному властителю'. Так как в этом стихе аллитерируют слова, начинающиеся на *a*, следует полагать, что слово . . . *tu* начиналось тоже на *a*. Примерно, это могло быть *aǰitu* 'заслуженный'.

¹ E. Haenisch. Wörterbuch zu Mangḥol un niuca tobca'an, стр. 9.

⁸ Слово *ejen* обрывается. Мы восстанавливаем его как *ejen-e inu* 'к властителю', ибо таких параллельных мест в тексте много.

Восстановленный текст

1. *ejen-e simurγu.ū kürbesü*
2. *arγayun dora unaju ög*
3. *arγayun dora unaba [kemejü]*
4. *ariyaju kürčü yaru keb[tegedkü]*
5. *aci?]tu sayin ejen[-e inu]*

Перевод

1. Когда ты достигнешь с решимостью властителя,
2. упали под перекладиной!
3. [Оттого, что] упал под перекладиной,
4. зачем огорчаться?
5. Заслуженному (?) прекрасному властителю. . .

Оборотная сторона XXIб

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6
·	·	ᠠᠰᠢᠵᠢᠲᠤ	ᠠᠰᠢᠵᠢᠲᠤ	ᠠᠰᠢᠵᠢᠲᠤ	ᠠᠰᠢᠵᠢᠲᠤ
·	·	ᠰᠢᠮᠤᠷᠢᠭᠤᠵᠤ	ᠰᠢᠮᠤᠷᠢᠭᠤᠵᠤ	ᠰᠢᠮᠤᠷᠢᠭᠤᠵᠤ	ᠰᠢᠮᠤᠷᠢᠭᠤᠵᠤ
·	ᠡ	ᠬᠦᠷᠪᠡᠰᠦ	ᠬᠦᠷᠪᠡᠰᠦ	ᠬᠦᠷᠪᠡᠰᠦ	ᠬᠦᠷᠪᠡᠰᠦ
·	ᠨᠠᠭᠤ	ᠨᠠᠭᠤ	ᠨᠠᠭᠤ	ᠨᠠᠭᠤ	ᠨᠠᠭᠤ
·	ᠣᠭ	ᠣᠭ	ᠣᠭ	ᠣᠭ	ᠣᠭ
·	ᠶᠠᠷᠤ	ᠶᠠᠷᠤ	ᠶᠠᠷᠤ	ᠶᠠᠷᠤ	ᠶᠠᠷᠤ
·	ᠶᠡᠵᠡᠵᠦ	ᠶᠡᠵᠡᠵᠦ	ᠶᠡᠵᠡᠵᠦ	ᠶᠡᠵᠡᠵᠦ	ᠶᠡᠵᠡᠵᠦ
·	ᠶᠠᠷᠠᠵᠤ	ᠶᠠᠷᠠᠵᠤ	ᠶᠠᠷᠠᠵᠤ	ᠶᠠᠷᠠᠵᠤ	ᠶᠠᠷᠠᠵᠤ
·	ᠶᠠᠷᠠᠵᠤ	ᠶᠠᠷᠠᠵᠤ	ᠶᠠᠷᠠᠵᠤ	ᠶᠠᠷᠠᠵᠤ	ᠶᠠᠷᠠᠵᠤ

Транскрипция

1. qu č¹
2. u² qarayun³ ejen⁴
3. *simurγu⁵ kürbesü qa⁶*
4. *a dora unaju ög q*
5. *a dora unaba kemejü⁷ qaraju*
6. *üjejü yaru kebtegedkü qaraju*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вся строка сильно повреждена. Видны лишь. . . *qu č*. . . ., которые мы восстанавливаем как [*abta*]qu č[*i čaγ-a*] или [*odu*]qu č[*i čaγ-a*] (см. выше *passim*).

² Если предложенная в прим. 1 реставрация текста правильна, то *и* должно быть последним звуком слова *minu* 'мой'.

³ Слово это читается неясно: отчетливо видны лишь *qara*. Слову *qaraγun* в письменномонгольском языке соответствует *qaraγu* 'защита', 'заботливость', 'попечение'. Здесь *qaraγun* — определение к *ejen*.

⁴ Слово *ejen* обрывается. На основании вышеприведенных параллелей мы восстанавливаем его как *ejen[-e inu]* 'к властителю'.

⁵ Слово *simurγuγu* объяснено выше в прим. 1 к ХХIа.

⁶ Слово это обрывается. Виден лишь слог *qa*. На следующей строке видно *a*, отдельно написанное, но относящееся к этому слову. Мы имеем, таким образом, слово *qa*. . . *a*. Дальше идет *dora unaju ög* 'пади под. . .!'. Следовательно, это — название предмета, под которым должен упасть сын, к которому обращается мать. На четвертой строке мы видим внизу *q*, а на пятой строке наверху опять отдельно от слова написанное *a*, т. е. имеем *q*. . . . *a*, и дальше опять *dora unaba* 'упал под'. Нет сомнений в том, что *qa*. . . *a* и *q*. . . *a* одно и то же слово. Так как после *qa* остается много места, слово должно быть довольно длинным. Просмотрев внимательно словари, мы пришли к выводу, что больше всего здесь подходит *qaγaly-a* 'ворота'.

⁷ Слово *kemejügi* представляет собой форму прошедшего времени с суффиксом *-γuγu* (*-jügi*), сохранившимся в языке монгольской письменности только в форме *ajγuγu* глагола *a-* 'быть', которому во всех остальных случаях соответствует суффикс *-jüki* (*-jüki*).

Восстановленный текст

1. [*abta*]qu č[*i čaγ-a*]
2. *min*]u *qaraγun* *ejen*[-*e inu*]
3. *simurγuγu* *kürbesü* *qa*[*γaly*]
4. *a* *dora unaju ög* *q*[*γaly*]
5. *a* *dora unaba* *kemejügi* *qaraγu*
6. *üjejü* *γaγu* *kebtgedekü* *qaraγu*

Перевод

1. [Ты будешь взято, дитя
2. мое]. Заботливого властителя
3. с решимостью когда достигнешь,
4. под [воротами] упади!
5. Сказал, что упал под [воротами].
6. Зачем глядеть и смотреть? Смотря. . .

Фрагмент XXII

(Размеры: 85 × 95 мм)

Лицевая сторона XXIIa

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6	7
ᠠᠮᠡᠯᠡᠢ ᠡᠮᠭᠡᠭ ᠵᠣᠪᠠᠯᠠᠩ-ᠳᠤᠷ ᠪᠤ	ᠳᠠᠪᠠᠷᠢᠶᠳᠠ ᠴᠠᠭᠤᠰ ᠳᠡᠭᠳᠡ ᠴᠠᠭ-ᠠ	ᠮᠢᠨᠤ ᠲᠣᠪᠴᠢᠶᠢᠨ ᠶᠡᠨᠤ ᠤᠰ ᠨ	ᠲᠣᠩ ᠠᠯᠲᠠᠨ ᠪᠣᠯᠶᠠᠰᠤ ᠬᠡᠮᠡᠯᠡ ᠳ . . ᠷ ᠠᠳᠠ-ᠳᠤᠷ ᠪᠤᠭᠤ ᠵᠣᠯᠤ	ᠴᠠᠭ-ᠠ ᠮᠢᠨᠤ ᠷᠢ ᠨ-ᠤ ᠶᠡᠨ	ᠤᠰᠢᠨ ᠳᠡᠯᠡᠬᠡᠢ ᠠᠯᠲᠠᠨ ᠪᠣ

Транскрипция

1. *kemelei*¹ *emgeg jöbalang-dur*² *bu*
2. *dabariyda*³ *cgüs degde*⁴ *čaγ-a*
3. *minu tobčiyin*⁵ *činu üs* *n*⁶
4. *tong*⁷ *altan bolyasu*⁸ *kemele*
5. *d* . . *r ada-dur*⁹ *buu joly*¹⁰
6. *čaγ-a minu* *ri* *n-u*¹¹ *čin*¹²
7. *üsün delekei*¹³ *altan bo*¹⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово *kemelei* представляет собою форму прошедшего времени глагола *kete-* ‘говорить’. В письменномонгольском языке суффиксом является *-luγa* (*-lüge*), в живых языках *-lai* (*-lei*, *-lē*). Здесь мы имеем интересную форму разговорного языка на *-lei*, разновидностью которой является форма *kemele*, встречающаяся дальше в четвертой строке.

² Обращает на себя внимание написание начального *d* суффикса *-dur* *dativi-locativi*: по правилам классической письменности после конечных *n*, *ng*, *l*, *m* пишется *ᠳᠤᠷ*.

³ Слово *dabariyda* является повелительной формой 2-го л. ед. ч. страдательного глагола *dabariyda-* от *dabari-*.

В письменномонгольском языке встречаются глаголы *dabira-* ‘нападать’, ‘оскорблять’ || *dayari-* ‘задевать’, ‘обижать’; ср. *dayariyda-* ‘быть задету, подвержену’; ср. халх. *dägr-* ‘задевать’, ‘оскорблять’, *dägrvǝdv-* ‘быть задетым’, ‘подвергаться’. Основа *dabira-* ~ *dabari-* || *dayari-* представляет

собою один из примеров чередования $b||\gamma(g)$, напр., *debel|| degel* 'шуба', *tobaraγ|| toγoraγ* 'пыль' и т. п. К этому *dabariγda-* относится отрицание *bu*, которое мы восстанавливаем как *buu*, ибо так оно пишется на 5-й строке.

⁴ Слова *egüs degde* являются повелительными формами 2-го л. ед. ч. — *egüs* 'отправляйся!', *degde* 'взлети!' О слове *egüs* речь будет идти дальше в прим. 10 к XXIIIa.

⁵ Слово *tobčiyin* представляет собою форму genitivi от *tobčī*. Суффикс *-yin* написан слитно с основой. Слово *tobčī* имеет следующие значения: «застежка, пуговица», «сосок груди»; «сокращение, сокращенное изложение»; ср. тюрк. (казахск.) *topšiuq* 'боковая сторона груди', ср. еще письменномонгольское *tobčīlayur* 'подзобок у птиц', *tobčīlayur-un yasun* 'ключица', *tobčīruu* 'ключица'. Как видно из других параллелей, речь идет о том, что мать сделает волосики той или другой части тела своего сына золотом; ср. XXIIIб 7—8: *ebčīgün-ü čīnu üsüken egüdmel alta bolγasu* 'волосики твоей груди сделаю отделанным золотом'. Слово *tobčiyin* несомненно тоже обозначает какую-нибудь часть тела, и, будучи сближаемо со словом «ключица», оно может быть переведено как «верхняя часть груди».

⁶ Слово *üs. . n* легко восстанавливается на основании XXIIIб 7—8 *ebčīgün-ü čīnu üsüken* как *üsüken* 'волосики'.

⁷ *tong* значит «совсем», «сплошь».

⁸ Форма *bolγasu* — желательная 1-го л. ед. ч. В языке классической письменности суффиксу *-su* соответствует *-suγai*, но в рукописях XIV—XVII вв. формы на *-su* встречаются очень часто. Этому *-su* в живых языках соответствует *-sū*: ср. цонгольск. *-sū*, западно-бурятск. *-hū*.

⁹ Слово *ada-dur* 'злomu духу' представляет собою форму dativi-locativi. Обращает на себя внимание написание ادار вместо ادار классической письменности. Слово *ada* встречается в живых языках, напр., в бурятском, где так называются ведьмы, поедающие детей, своего рода женские вампиры. Перед *ada* стоит сильно поврежденное слово, оканчивающееся на *r*, а перед ним видно *d*. Так как стихи здесь начинаются на *to*, мы восстанавливаем без особого труда *todqar* 'напасти'.

¹⁰ Слово *γoly* восстанавливается легко как *γolya* 'встречайся!'.

¹¹ Сильно поврежденное слово. Из контекста видно, что это название какой-то части тела. Так как следующий стих начинается со слова *delekei* 'рассыпной', 'распространенный', оно должно начинаться на *de* или *te*. Таким словом могло быть *terigün* 'голова' и, действительно, можно прочесть знаки *. . ri . . n-ü*. Мы восстанавливаем это слово как *terigün-ü*.

¹² *čīn* легко восстанавливается как *čīnu* 'твой'.

¹³ Слово *delekei* имеет в языке монгольской письменности значение «вселенная», «мир». Оно образовано от основы *dele-*: ср. *delegü* 'пространный', *delge-* 'расстилать'. Здесь *delekei* имеет значение «пространный», как в языке квадратной письменности (*delegeé*).

¹⁴ Слово повреждено. Сохранился лишь слог *bo*, но слово это легко восстанавливается как *bolγasu* 'сделаю'.

Восстановленный текст

1. *kemelei emgeg jobalang-dur bu[u]*
2. *dabariγda egüs degde čaγ-a*
3. *minu tobčiyin činu üs[üke]n*
4. *tong altan bolyasu kemele*
5. *[to]d[qa]r ada-dur buu jobγ[a]*
6. *čaγ-a minu [te]ri[gü]n-ü čin[u]*
7. *üsün delekei altan bo[lγasu]*

Перевод

1. Сказала. «Увечьям и страданиям не
2. подвергайся! Отправляйся, взлети, дитя
3. мое! Грудь твоей волосики
4. сплошь золотом сделаю!», сказала.
5. «С напастями и злыми духами не встречайся,
6. дитя мое! [Головы] твоей
7. волосы рассыпанным золотом [сделаю]!»

Оборотная сторона XXIIб

Монгольский текст

1	2	3	4	5
...	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ	ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ

Транскрипция

1. s n¹ ejen-e inu²
2. *kürbesü adayirtu³ tergen dora*
3. *yayu qordagu⁴*
4. *yartu-da⁵ samaryun odu⁶*
5. *či čaγ-a minu alaya yuyan⁷ . . .*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Начало строки повреждено. Можно разобрать знаки для *s...n*, что легко восстанавливается как *sayin* 'прекрасный'.

² За *inu* должно следовать еще какое-то слово. Синтаксическая конструкция здесь требует деепричастной формы соединительной или слитной какого-нибудь глагола, восстановить которую не представляется возможным.

³ Слово *adayirtu* представляет собой имя на *-tu* от *adayir*: ср. письм.-монг. *adayir* 'тес', 'тонкие доски', бурятск.-агинск. *ad^aēr* 'полка'. Следовательно, *adayirtu* значит «тесовый», «досчатый» и является определением к *tergen* 'телега'. Слово *adayirtu* 'досчатый' написано , т. е. *d* и *t* в обоих случаях передаются знаком .

⁴ После *qordaqu* идет еще какое-то слово, но оно сильно повреждено. Оно является определением к *γartu-da*. Так как здесь стихи начинаются на *a*, это слово должно начинаться на *a*.

⁵ Слово *γartu-da* — *dativus-locativus* от *γartu* 'имеющий руки'. Согласный *t* в *γartu* передается знаком . Обращает на себя внимание суффикс *dativi-locativi -da*, вместо письм.-монг. *-dur*.

⁶ Слово *odu* представляет собой одну из форм глагола «уйти», «отправиться», но слово настолько повреждено, что прочесть его трудно. На конце видно *n*, а после *odu* видны очертания *q*. Синтаксически здесь допустимы любые повелительные, изъявительные и причастные формы.

⁷ За словом *alaya* 'ладонь' видно еще какое-то поврежденное слово, читаемое нами как суффикс возвратного притяжания *-uyyan*.

Восстановленный текст

1. *s[ay]n ejen-e inu . . .*
2. *kürbesü adayirtu tergen dora*
3. *yayu qardaqu [a]*
4. *γartu-da samaryun odu[qu?]*
5. *či čay-a minu alaya-uyyan . . .*

Перевод

1. [прекрасного] властителя
2. когда ты достигнешь, под тесовой телегой
3. зачем огорчаться? К имеющему
4. руки в смятении отправишься
5. ты, дитя мое. Свои ладони. . .

Фрагмент XXIII

(Размеры: 85 × 95 мм)

Лицевая сторона XXIIIa

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6	7	8
ᠶᠣᠷᠴᠢᠰᠤ ᠡᠬᠡ ᠡᠯᠪᠦᠷ ᠡᠬᠡ ᠮᠢᠨᠤ ᠠ	ᠣᠯᠡᠩᠭᠦᠨ ᠡᠪᠡᠰᠦ ᠤᠨ ᠣᠯᠡᠩᠭᠢᠷᠡ ᠬᠦᠷᠪᠡ	ᠣᠨᠡᠷ ᠰᠠᠳᠤᠨ ᠡᠭᠦ ᠡᠭᠦᠰᠦᠷ ᠡ . . . ᠷᠪᠡ	ᠣᠷᠦᠭ ᠨᠠᠨᠲᠤᠷᠦ ᠲᠤᠷᠢᠶᠠᠨ ᠡᠭᠦᠰᠦ	. . . ᠤ ᠡᠬᠡ ᠡᠯᠪᠦᠷ ᠡᠬᠡ ᠮᠢᠨᠤ	. . . ᠠ ᠬᠦᠷᠪᠡ	ᠢ . . . ᠳᠠ . . . ᠤᠯᠠᠭ ᠠ ᠳᠤᠷ ᠬᠦ . . .	ᠰᠠᠶᠤᠴᠢ ᠢ ᠶᠠᠵᠠᠷ ᠲᠤᠷ

Транскрипция

1. *yorčisu*¹ *eke elbür eke minu-a*²
2. *öleṅgün*³ *ebes-ün öleṅjire*⁴ *kürbe*
3. *öner sadun*⁵ *egü egüsür-e*⁶ *rbe*⁷
4. *örüḡ*⁸ *nuntur-turiyan*⁹ *egüssü*¹⁰
5. *u*¹¹ *eke elbür eke minu*
6. *a kürbe*¹²
7. *i* *da*¹³ *uḷay-a-dur*¹⁴ *kü*¹⁵
8. *sayuqi*¹⁶ *i yaḷar-tur*¹⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово *yorčisu* может быть прочтено и как *ḷorčisu*. Это—форма обращения к 1-му л. ед. ч. на *-su* (письм.-монг. *-suḷai*) от *yorči-* ‘ходить’, ‘шествовать’, ‘странствовать’ = письм.-монг. *ḷorči-* id. В языке квадратной письменности это слово всегда дается в форме *yorči-*, а не *ḷorči-*, вследствие чего мы здесь предпочитаем чтение *yorčisu*, как более соответствующее данным языка XIII—XIV ст.

² Местоимение 1-го л. ед. ч. в форме генитива с частицей обращения.

³ Слово *öleγγün* — форма генитива от *öleγγ* = письм.-монг. *öliγγ* 'мягкая трава', 'мурава', калм. *öly* 'сочная трава', 'лужайка'. Относится оно к *ebes-ün* 'трава'. Слово *ebes-ün* = письм.-монг. *ebesün* здесь написано раздельно.

⁴ Слово *öleγγjire* представляет собою форму конечного деепричастия на *-ra (-re)* от глагола *öleγγji-*. Последний образован при помощи известного суффикса *-ji-* от *öleγγ* 'мягкая трава', 'мурава'. Глаголы на *-ji-* представляют собою так наз. глаголы усвоения, т. е. выражают приобретение выраженного основой или становление им, напр., письм.-монг. *bayaji-* 'разбогатеть' от *bayan* 'богатый'. Следовательно, *öleγγji-* имеет значение «стать *öleγγ*», т. е. «вырастать» (о траве). Мы переводим поэтому глагол *öleγγji-* вольно как 'сочнеть'.

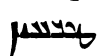
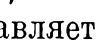
Обращает на себя внимание сохранение формой конечного деепричастия первоначального значения *dativi* отглагольного имени: достигла сочности, достигла того, что стала сочной.

⁵ Слова *öner* и *sadun* в языке монгольской письменности встречаются: *öner* (там всегда *önür*) 'многосемейный', *sadun* 'друг', 'близкий человек'. Мы рассматриваем *öner sadun* как парное слово, как бином и переводим 'близкие друзья'.

⁶ Слово *egüssüre* написано дважды: начав его писать и написав *egü*, писавший оставил его в недописанном виде, так как оно расплылось, и написал его вторично в более совершенном виде. Начальный *e* передается двумя зубцами, как *a* в более поздней монгольской письменности. Слово это представляет собой форму конечного деепричастия на *-ra (-re)* от *egüs-* (см. дальше прим. 10).

⁷ Остаток слова *kürbe* 'достиг', восстанавливаемого с легкостью.

⁸ Слово *örüg* в языке монгольской письменности не засвидетельствовано. Из контекста видно, что это определение к *nuntuγ-turiyan* 'на свою родину'. В уйгурском языке имеется *örüg* в значении 'светлый', 'приветливый', которое этимологически, вероятно, связано с письм.-монг. *örün* 'утро'.

⁹ Слово *nuntuγ-turiyan* — форма *dativi-locativi* с возвратным притяжением, написанным слитно с суффиксом падежа (т. е. вместо) от *nuntuγ* 'кочевье', 'родина'. Слово *nuntuγ* представляет собой интерес, поскольку в языке письменности и в большинстве современных языков ему соответствует форма без *n* в середине, т. е. письм.-монг. *nutuγ*, халх. *nu^ht^h ü^h k^h*, бурятск.-аларск. *n^hutä^hk^h* 'кочевье', 'родина'. С *n* оно засвидетельствовано в Юань-чао би-ши (ср. там *nuntuγ*), в могольском (ср. там *nuntuγ*) и в монгорском (ср. там *nontoγ*). Стало быть, здесь тоже засвидетельствована древняя форма этого слова.

¹⁰ Слово *egüssü* представляет собой форму обращения 1-го л. ед. ч. на *-su (-sü)* от *egüs-*. Основа глагола *egüs-* известна в письменно-монгольском языке со значением 'возникать'. Однако в нашем памятнике она употребляется в совершенно ином значении. Приводим соответствующие места:

XXIIa 2—3. *egüs degde čaγ-a minu* 'отправляйся, взлети, дитя мое!';

XXIIa 3. *öner sadun egüsür-e kürbe* 'близкие друзья стали отпра-
вляться';

XXIIa 4. *örüg nuntuy-turiyan egüssü* 'да отправлюсь я на свою при-
ветливую родину!';

XXa 6. *aḡulǰalduy-a kemen egüsbe* 'говоря «встретимся!», отправился'.

Как видно, значение «возникать» не согласуется с общим смыслом всех приведенных отрывков, ибо во всех этих отрывках речь идет об отправлении, об уходе друзей, сына и т. д. В Юань-чао би-ши встречается глагол *e'üskü* со значением «отправляться».¹

Слово это прочтено правильно: что это *egüs-*, а не *negüs* (такого глагола, впрочем, и нет), видно хотя бы из того, что *egüs-* в отрывке XXIIa аллиментирует с *emgeg*; ср. там: *emgeg ǰobalang-dur bu[u] dabariḡda egüs degde čaḡ-a minu*.

¹¹ Конец какого-то сильно поврежденного слова.

¹² Вся строка сильно повреждена. Сохранилось лишь *kürbe* с предшествующим *a*, видимо конечного деепричастия на *-ra* какого-то глагола.

¹³ Разобрать можно с трудом *i...da...*, что восстановить невозможно.

¹⁴ Слово сильно повреждено. Видно только *...uḡlay-a- dur*, *dativus-locativus* какого-то имени, вторая половина которого состоит из слогов *uḡlay-a*, типа *baḡlaya* и т. п. Восстановить его мы не беремся.

¹⁵ Слог *kü* — все, что сохранилось от слова *kürbe* 'достиг'.

¹⁶ Слово *saḡuqui* 'житье' плохо сохранилось и разбирается с трудом.

¹⁷ Перед *ḡaḡar-tur* 'в страну' имеется еще одно слово, которое прочесть невозможно. Оно оканчивается на *i*.

Восстановленный текст

1. *yorčisu eke elbür eke minu-a*
2. *öleḡḡün ebes-ün öleḡḡire kürbe*
3. *öner sadun egüsür-e [kü]rbe*
4. *örüg nuntuy-turiyan egüssü*
5. *u eke elbür eke minu*
6. *[r]-a kürbe*
7. *i... da... uḡlaya-dur kü[rbe]*
8. *saḡuqui... i... ḡaḡar-tur*

Перевод

1. Отправлюсь! Мать, о милая моя матушка!
2. Трава лужайки начала соцветь,
3. близкие друзья стали отправляться.
4. На свою приветливую родину я отправлюсь!
5. мать, милая матушка моя!
6. достиг того, чтобы
7. [достиг]
8. жить в землю . . . ,

¹ Ср.: Haenisch, Wörterbuch, стр. 47.

Монгольский текст

1	2	3	4	5	6	7	8
ᠶᠣᠷᠴᠢᠰᠤ	ᠡᠬᠡ	ᠮᠢᠨᠤ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ
ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ
ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ
ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ
ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ
ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ
ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ	ᠡᠬᠡ

Транскрипция

1. *yorčisu eke elbür*
2. *eke minu . eke elbür eke¹*
3. *qariyu dayu dayular-a²*
4. *. n³ činu üsüken⁴*
5. *bolγasu kemele⁵ ada bu⁶*
6. *a⁷ buu dabariγda ajir-a⁸*
7. *čay-a minu ebčigün-ü činu*
8. *üsüken egüdmel⁹ alta bolγasu*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Строка обрывается. По аналогии с другими местами восстанавливаем дальше *eke inu* 'его мать'.

² Эта строка тоже обрывается. Восстанавливается легко как *dayular-a kürbe* 'достигла того, чтобы спеть', 'приступила к пению'.

³ Начало повреждено. Видно только *n*, относящееся к концу слова. На том основании, что в дальнейшем мать поет о том, что сделает волосы такой-то части тела своего ребенка золотом, здесь следует предполагать название какой-то части тела.

⁴ После слова *üsüken* 'волосики' было еще слово, но это место повреждено. Как видно из строк 7—8: *ebčigün-ü činu üsüken egüdmel alta bolγasu*

‘волосики твоей груди сделаю отделанным золотом’, строки 4—5. . . *n činu üsüken. . . bolyasu* ‘волосики твоей. . . сделаю. . .’ восстанавливаются приблизительно так: «волосики твоей та кой - то части тела сделаю та к и м - то золотом».

⁵ См. прим. 1 к XXIIa.

⁶ О слове *ada* см. прим. 9 к XXIIa. За *ada* следует еще какое-то слово, начинающееся на слог *bu*, но оно повреждено. Очевидно, это тоже название какого-нибудь злого духа или демона, вроде бурятск. *bōxōldō* или халх. *buq* ‘демон’.

⁷ Окончание предыдущего слова *bu. . . a*. По форме это *dativus-locativus* на *-a* и относится к *biu dabariyda* ‘не подвергайся!’.

⁸ Слово *aḡir-a* мы рассматриваем как повелительную форму 2-го л. ед. ч. от *aḡira-*. Аналогию этого места представляет собою XXIIa 1—3: *etgeg jobalang-dur bu[u] dabariyda egüs degde čaḡ-a minu* ‘не подвергайся увечьям и страданиям! Отправляйся, взлети, дитя мое!’ Здесь же мы имеем *ada bu. . . a biu dabariyda aḡir-a. . . čaḡ-a minu* ‘не будь одержим злым духом и. . . дитя мое!’. Ясно видно, что после «не будь одержим злым духом» должна следовать повелительная форма какого-то глагола. Последнее слово, находящееся после *aḡir-a*, мы восстанавливаем как *degde* ‘взлети!’. Что же касается *aḡir-a*, то эта основа в письменном языке известна в значении «шествовать», но в древнем языке имеет значение также «взлететь».

⁹ Слово *egüdmel* — *poemen descriptionis* от *egüd-* ‘соорудить’, ‘построить’, ‘воздвигнуть’, ‘сделать’, ‘создать’. Переводится как ‘созданный’, ‘сделанный’. Мы его переводим как ‘отделанный’.

Восстановленный текст

1. *yorčisu eke elbür*
2. *eke minu. eke elbür eke [inu]*
3. *qariyu daḡu daḡular-a [kürbe]*
4. *u činu üsüken. [alta]*
5. *bolyasu kemele ada bu.*
6. *-a biu dabariyda aḡir-a [degde]*
7. *čaḡ-a minu ebčigün-ü činu*
8. *üsüken egüdmel alta bolyasu*

Перевод

1. «Отправляюсь, мать, милая
2. матушка моя!» Мать, милая матушка [его]
3. к пению ответной песни [приступила].
4. «Волосики твоей. . . я. . . [золотом]
5. сделаю!», сказала она. «Злым духом и. . .
6. не будь одержим! Шествуй, [взлети]
7. дитя мое! Твоей груди
8. волосики отделанным золотом сделаю!»

очень плохо вяжется с «знакомого». Ключ к решению вопроса могло бы дать первое слово второй строки, но оно, к сожалению, тоже сохранилось очень плохо.

² Слово это сохранилось неполностью, ясно разбираются лишь знаки для *ejiy. . süge*. Тем не менее это слово легко восстанавливается как *tejiyesügei* — 1-е л. ед. ч. формы обращения от глагола «питать» и может быть переведено как «да вскормлю я!»

³ Первое слово второй строки могло бы помочь правильному пониманию первой строки, но оно читается неясно. Ясно сохранились лишь слоги *ruyun*. По форме это — тоже genitivus и управляется это слово тоже словом *tedüi*. Восстанавливая это слово, следует исходить из того, что вторую половину его образует слог *ruy*. Таким словом может быть либо *uruу* «родня», либо *aruу* «корзина». Разница, как видно, получается существенная. Вместе с тем разница в значении играет решающую роль для понимания первой строки. Если это *uruуун tedüi* «с родню», то в первой строке удачной параллелью было бы *taniлun tedüi* «со знакомство». Если здесь читать *aruуун tedüi* «с корзину», то в первой строке подошло бы *ailun tedüi* «с юрту», «с аил». Исходя из законов аллитерации, последний вариант, т. е. «с аил» и «с корзину», следовало бы предпочесть.

⁴ Это слово тоже сильно повреждено, и сохранилась лишь первая часть его, которую можно прочесть как *altaqa*. Последнее можно восстановить как *altaqa[n]* «золотце», «золотой», хотя, исходя из характера синтаксической конструкции, мы ожидали бы здесь формы обращения 1-го л. ед. ч. какого-нибудь глагола, но глагол с основой *altaqa-* или *aldaqa-* нам неизвестен.

⁵ Третья строка не сохранилась. Виден посредине лишь знак препинания *dörbeljin čeg*, соответствующий точке европейской пунктуации. По контексту, если предыдущее слово читать *altaqan*, следует ожидать перед знаком *dörbeljin čeg* глагол *bolуa-* «сделать» в форме обращения к первому лицу, т. е. *bolуasu* «сделаю». После упомянутого знака препинания видны еще очертания двух слов, но их прочесть невозможно.

⁶ Начало строки повреждено. Прочесть можно только *gdeküi*, что представляет собой форму причастия настоящего и будущего времени с суффиксом *-küi* от глагола, вторая половина которого состоит из слога *gde*. Синтаксически это . . . *gdeküi* является определением к *čay-turiyan* «в свое время». Мы восстанавливаем его как *degdeküi* от глагола *degde-* «подниматься», «взлетать». Следовательно *[de]gdeküi čay-turiyan* переводится как «во время своего подъема» или «во время своего взлета».

⁷ Обращает на себя внимание слитное написание суффиксов *dativi-locativi* и возвратного притяжания.

⁸ То же самое наблюдается и здесь. Кроме того, следует указать на передачу *d* знаком ζ вместо Δ .

⁹ Форма *dayulajuуи* «пропел», «спел», — прошедшее время от *dayula-* «петь». В языке монгольской письменности суффиксу *-juуи* соответствует *-juqui*, и только от глагола *a-* эта форма образуется при помощи суффикса *-juуи*.

Эта интересная форма на *ǰууи* (*-ǰügü*) в нашей рукописи засвидетельствована дважды: *dayulaǰууи* 'спел' и *кетейүгү* 'сказал'.

¹⁰ Слово *ebes-ün* 'трава' здесь опять дается в раздельном написании.

¹¹ Слово *alančılar-a* представляет собой форму конечного деепричастия на *-ra*. Здесь эта форма выступает в своем первоначальном значении *dativi-locativi* отглагольного имени. Глагольная основа *alančıla-* нашим словарям не известна, но значение ее довольно ясно из контекста: *ayula-yin ebes-ün alančılar-a kürbe* 'горная трава достигла того, чтобы. . .': очевидно, этот глагол передает понятие, связанное с ростом трав или, наоборот, с увяданием. Выше в XXIIIa 2 мы имели следующую параллель: *öleγγgün ebes-ün öleγγǰir-e kürbe* 'трава, лужайка достигла сочности'. Если от *öleγγ* 'мурава', 'лужайка' образовано *öleγγǰi-* 'сочнеть', то *alančıla-*, вероятно, означает тоже «стать чем-нибудь». Действительно, нам известны отыменные глаголы, образованные при помощи суффикса *-čila-*, напр., *emčile-* 'врачевать' от *em* 'лекарство', *teγγünčile-* 'делать так' от *teγγün-* (основа местоимения 'тот'), *yosučila-* 'поступать согласно закону' от *yosu* 'закон' и т. д. Следовательно, *alančıla-* представляет собою образование от *alan*. Такого имени в монгольском языке мы не встречаем, но зато слово *alan* существует в тюркских языках, напр., в казанско-татарском, османском, в значении 'поляна', 'открытое место в лесу'. Таким образом *alančıla-* оказывается по значению близким к *öleγγǰi-* и, вероятно, значит «становиться поляной».

¹² Слово это тоже является формой конечного деепричастия на *-ra* (*-re*). Основа *eči-* известна в южномонгольских наречиях и имеет значение «уходить», «отправляться».

¹³ Форма *dativi* на *-a* от *aqui* — *poimen futuri* от *a-* 'быть'. Переводится 'чтобы быть'.

¹⁴ Слово *nuntу* уже объяснено в примечании 9 к XXIIIa.

¹⁵ Слово *aǰirasu* — форма обращения 1-го л. ед. ч. к *aǰira-* 'итти', 'шествовать'.

Восстановленный текст

1. *ailun* (?) *tedüi teǰiyesüge*[i]
2. *arуун* (?) *tedüi altaqa*[n] (?)
3. [bolyasu] (?)
4. [de]gdeküi *čay-turiyan eke elbür*
5. *eke-düriyen teyin kemen dayulaǰууи*
6. *ayula-yin ebes-ün alančılar-a kürbe*
7. *aqa degü ečire kürbe aquy-a*
8. *saуuqu nuntу-turiyan aǰirasu*

Перевод

1. «С аил (?) напитаю,
2. с корзину (?) золотым (?)
3. [сделаю] (?)».
4. Во время своего взлета матери, милой
5. своей матушке так пропел.

6. «Горные травы начинают становиться полевой,
7. братья начинают отправляться. Чтобы жить,
8. на родину свою, где живу, пойду!».

ОПЫТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТЕКСТА

Выше нами были разобраны отдельные фрагменты монгольского текста и, насколько это возможно, восстановлены некоторые поврежденные строки их. Теперь перед нами возникает вторая задача — установить последовательность листов рукописи, как целых, так и фрагментов, и попытаться восстановить текст. Но в отношении последнего необходима оговорка, что, ввиду большой фрагментарности рукописи, о восстановлении полного текста не может быть и речи. Дело в том, что более или менее полностью сохранившиеся листы мы имеем только три, а от остальных сохранилась лишь часть. И так как на некоторых из числа последних можно разобрать вообще только одну строку, а на других по 3—4 строки, браться за полное восстановление текста невозможно и единственное, что можно, это попытаться установить последовательность монгольской части фрагментов.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о размерах отдельных фрагментов монгольской части рукописи.

Всего мы имеем 6 фрагментов. Из них XIX, размером 90 × 85 мм, содержит цельных и поврежденных в разной степени 6 строк на лицевой стороне и 5 на оборотной. XX фрагмент, размером 85 × 155 мм, представляет собою фрагмент двух сшитых между собою листков, из которых левый, т. е. XXа, содержит 6 строк на лицевой стороне, и из них читается только одна, а на оборотной стороне (т. е. XXг) имеется 8 строк. Правый листок содержит на лицевой стороне (т. е. XXб) 4 строки, а на оборотной (XXв) 8. XXI фрагмент, размером 85 × 85 мм, содержит на лицевой стороне 5 строк и на оборотной стороне 6 строк. XXII фрагмент, размером 85 × 95 мм, содержит на лицевой стороне 7 строк, а на оборотной 5. XXIII фрагмент тех же размеров и содержит на лицевой стороне 8 строк и на оборотной тоже 8 строк. XXIV фрагмент, размером 85 × 100 мм, содержит на одной только стороне монгольский текст, всего 8 строк. Из перечисленных фрагментов особую ценность представляют собою фрагменты XXII, XXIII и XXIV, ибо в отличие от остальных они обнаруживают как с левой, так и с правой стороны прямолинейный обрез. Следовательно, это не обрывки листков, как остальные, но цельные листы. Их размеры: 85 × 95 мм, 85 × 95 мм и 85 × 100 мм. Отсюда можно сделать вывод, что первоначальный формат рукописи был 85 × 95 (или 100) мм, где 85 мм по вертикали и 95 (100) мм по горизонтали. Кроме того, следует указать, что на XXIII и XXIV листах и на лицевой, и на оборотной стороне (на последнем только на лицевой) имеется по 8 строк, а на XXII сохранилось 7 и 5 строк (остальные повреждены сыростью). Отсюда мы делаем второй вывод, что на каждой странице было в среднем по 8 строк.

Наша рукопись, таким образом, представляла собой сшитую из берестовых листов книгу форматом 85 × 95 (100) мм, и на каждой странице

было по 8 строк. Это не была книга тибетского типа, каковыми являются в большинстве своем монгольские книги более позднего происхождения, состоящие из несшитых листов обычно удлиненной формы (9 × 36 см, 9 × 45 см и т. д.).

После этих заключений перейдем к вопросу о последовательности фрагментов и цельных листов. Но прежде всего необходимо решить вопрос о том, какую из обеих сторон каждого листа следует признать лицевой и какую оборотной, так как, разбирая выше отдельные фрагменты, мы этим вопросом не занимались.

Возьмем для начала фрагмент XXIII. Здесь почти полностью сохранились все 8 строк как лицевой стороны, так и оборотной. Условно лицевой обозначенная сторона действительно является таковой, ибо текст на другой стороне является продолжением текста лицевой стороны.

XXIII фрагмент (вернее лист) восстанавливается таким образом.

Л и ц е в а я с т о р о н а

1. *yorčisu eke elbür eke minu-a*
2. *ölenggün ebes-ün ölengjire kürbe*
3. *öner sadun egüsür-e [kü]rbe*
4. *örüg nuntuy-turiyan egüssü*
5. *.u eke elbür eke minu*
6. *.[r]-a kürbe*
7. *i da uylaγa-dur kü[rbe]*
8. *saγuqi i γajar-tur*

О б о р о т н а я с т о р о н а

1. *yorčisu eke elbür*
2. *eke minu. eke elbür eke [inu]*
3. *qariγu dayu dayular-a [kürbe]*
4. *.u činu üsüken[alta]*
5. *bolγasu kemele ada bu*
6. *-a buu dabariγda ajir-a [degde]*
7. *čar-a minu ebčigün-ü činu*
8. *üsüken egüdmel alta bolγasu*

XXIV фрагмент мы пока оставляем, ибо монгольский текст имеется лишь на одной стороне, и переходим к XXII фрагменту. Хотя на одной стороне его текст сохранился неполностью, все же нетрудно установить, что условно лицевой признанная сторона действительно является таковой, ибо последнее слово последней строки оборотной стороны не может быть поставлено в синтаксическую связь с первым словом лицевой стороны. Таким образом текст XXII фрагмента восстанавливается в следующем виде.

Л и ц е в а я с т о р о н а

1. *kemelei emgeg jobalang-dur bu[u]*
2. *dabariyda egüs degde čay-a*
3. *minu tobčiyin činu üs[üke]n*
4. *tong altan bolyasu kemele*
5. *[to]d[qa]r ada-dur buu jolγ[a]*
6. *čay-a minu [te]ri[gü]n-ü čin[u]*
7. *üsün delekei altan bo[lγasu]*

О б о р о т н а я с т о р о н а

1.
2.
3. *s[ayı]n ejen-e inu*
4. *kürbesü adayirtu tergen dora*
5. *yayu qordaqu [a]*
6. *γartu-da samaryun odu[qu?]*
7. *či čay-a minu alaya-yuyan*

Так как лицевая сторона XXII фрагмента сохранилась полностью и содержит 7 строк, можно полагать, что количество строк на каждой странице колебалось от 7 до 8.

Переходя к XIX фрагменту, нетрудно установить, что лицевой стороной является та, первым слогом первой строки которой является слово *aγsan*, так как проколы для сшивания листов приходятся на левое поле этого фрагмента.

Текст восстанавливается поэтому приблизительно так.

Л и ц е в а я с т о р о н а

1. *aγsan ejen-e inu qamıǰu*
2. *quriyaǰu abtaqu či čay-a*
3. *[m]inu buraqan ejen[-e inu]*
4. *uǰu kürbesü bosay[-a dora*
5. *unaǰu ög] bo[say-a dora*
6. *unaba] ud*
7. ,
8.

О б о р о т н а я с т о р о н а

1.
2.
3.
4. *ǰu ül[e]ǰü yayu*
5. *[ke]btegdekü budangγadču [aγsan]*

6. *ejen-e inu [buju]*
7. *irejü abtaqu či čaγ-a*
8. *minu. erdem-tü sayin itelgü*

На том же основании устанавливается последовательность текста обоих сшитых листков XX фрагмента таким образом:

Лицевая сторона [XXб]

1. *da egerejü kürčü irebesü*
2. *egüden dora yaγu qordaqu*
3. *anda kümün-e*
4. *[odu]qu či ča[γ-a minu]*
5.

Оборотная сторона [XXв]

1.
2. *sayin [ejen-e inu]*
3. *[kür]besü [dora yaγu]*
4. *qordaqu jalayus köbegüd[-tür]*
5. *samarγun oduqu či čaγ-a mi[n]u*
6. *sayin jalymai-a ja'u kürčü irebe[sü]*
7. *jebe dora unaba ög jebe dora unaba*
8. *[ke]mejü jalidcu kürčü yaγu kebtgedkün*

Лицевая сторона [XXг]

1. *jayayatu sayin ejen-e inu jarčila-*
2. *ju erijü abtaqu či čaγ-a minu*
3. *altaqan γuryul dai čaγ-a inu eke*
4. *elbür eke-düriyen qarıγu daγu daγu-*
5. *[lar-a] kürbe eke elbür eke minu*
6. *gergen*
7. *činu üsüke[n]*
8.

Оборотная сторона [XXа]

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7. *aγuljalduy[-a] kemejü egüsbe*

К XX фрагменту следует заметить, что стр. XXб, вероятно, содержала только 5 строк, ибо знаки сохранившихся строк значительно крупнее, чем на других страницах.

Переходим к XXI фрагменту. Здесь лицевой стороной является начинающаяся словом *ejen-e*, ибо проколы видны на левом поле этой страницы.

Лицевая сторона

1. *ejen-e simurruju kürbesü*
2. *arqayun dora unaju ög*
3. *arqayun dora unaba [kemeju]*
4. *ariyaju kürcüu yayu keb[tegedkü]*
5. *[ači?]tu sayin ejen[-e inu]*
6.
7.
8.

Оборотная сторона

1.
2.
3. *[abta]qu č[i čay-a*
4. *min]u qarayun ejen[-e inu]*
5. *simurruju kürbesü qa[γaly]*
6. *a dora unaju ög q[γaly]*
7. *a dora unaba kemejuči qaraju*
8. *üjeju yayu kebtegedkü qaraju*

Что касается, наконец, XXIV фрагмента, то текст имеется там только на одной стороне, причем последнее предложение оказывается синтаксически вполне законченным. Повидимому, здесь мы имеем конец монгольского текста рукописи.

Таким образом оказывается установленным — которая из сторон каждого листа или фрагмента является лицевой и которая из них оборотной.

Остается решить вопрос о последовательности листов. Сделать это нелегко, так как рукопись не пагинирована, а кроме того, не следует забывать, что имеющиеся в нашем распоряжении листы и фрагменты представляют собой, по всей вероятности, не все, т. е. что некоторые листы не сохранились. Поэтому установить последовательность листков можно лишь приблизительно с учетом того, что между отдельными листами неизбежно останутся лакуны, заполнить которые совершенно невозможно.

Рассматривая текст рукописи со стороны содержания, можно установить, что он представляет собою стихотворный диалог матери с сыном. После того как заканчивает свою песнь мать, ей поет ответную песнь сын. Таков, например, XX фрагмент, содержащий вначале песнь матери (от первой строки XXб до конце второй строки XXг), после чего идет ответная песнь сына (от строки третьей XXг до конца седьмой строки XXа). XIX фрагмент целиком содержит песнь матери, также и XXI и XXII. XXIII фрагмент начинается песней сына (от первой строки лицевой сто-

роны до второй строки оборотной стороны), после чего идет ответная песнь матери (от второй строки оборотной стороны до конца страницы). XXIV фрагмент содержит сначала песнь матери до третьей строки, а затем идет до конца страницы песнь сына. Таким образом получается следующая картина: XIX, XXI, XXII — песнь матери, XX — песнь матери, затем сына, XXIII — песнь сына, затем песнь матери, XXIV — песнь матери, затем сына. Как видно, количество песен матери больше, чем песен сына, а так как наилучшим образом сохранившиеся листы содержат на каждую песнь матери ответную песнь сына, то следует полагать, что некоторое количество песен сына до нас не дошло.

Песни эти построены по обычному монгольскому способу стихосложения, для которого характерным является параллелизм: каждая следующая строфа в отношении своего содержания в значительной степени повторяет предыдущую и отличается от нее лишь частичными отклонениями не столько в самом смысле, сколько в средствах передачи его. Это, конечно, сильно облегчает работу над установлением первоначальной последовательности листов фрагментов. С другой стороны, большую помощь оказывает самый принцип монгольского стихосложения, для которого самой характерной чертой является аллитерация. Если ряд строк одного фрагмента начинается, скажем, слогом *qa* и если первая строка другого какого-нибудь фрагмента начинается этим же слогом и по смыслу оказывается продолжением предыдущего, последовательность листов устанавливается с полной несомненностью.

Исходя из этих соображений, мы установили, что текст фрагмента XIX является продолжением текста фрагмента XXI. Фрагмент XXI, однако, не является абсолютным началом изучаемого произведения, и начало, к сожалению, не сохранилось. Фрагмент XXII оказывается продолжением XXIII фрагмента. XXIV фрагмент является заключительным, но между ним и XXII остается лакуна, которой мы заполнить не можем. Что же касается фрагмента XX, то он относится к середине между XIX и XXIII, но непосредственно не увязывается ни с тем, ни с другим.

Результатом этих текстологических изысканий является следующий опыт полного восстановления текста.

При этом мы постараемся произвести восстановление лакун, оставшихся между отдельными фрагментами рукописи. Последние мы заключаем в [[]].

Издавая получившийся после такого вторичного восстановления текст, мы не будем придерживаться деления на строчки оригинала, но произведем свое деление на строчки, исходя из законов аллитерации, имея в виду представить стихотворный текст в надлежащем виде.

Монгольский текст

Начало отсутствует.

XXIa. *[[ačitu]] ejen-e simuryju kürbesü
arqayun dora unaju ög!
arqayun dora unaba [kemejü]*

arıyaǵu kürçü yaǵu keb[tegedkü.
açı(?)tu sayın eǵen[-e inu]
[[. ǵu ǵu abtaqu ċi ċaǵ-a minu!]]

XXI6.
.
.
.
.
qarayun eǵen[-e inu] simurǵuǵu kürbesü
qa[ǵalǵ]a dora unaǵu öǵ!
q[aralǵ]a dora unaba kemeǵüǵü
qaraǵu üjeǵü yaǵu kebtegedkü?
qaraǵu XIX a aǵsan eǵen-e inu
qamuǵu qurıyaǵu abtaqu ċi ċaǵ-a [m]inu!
buraǵan eǵen[-e inu] [[simurǵ]]uǵu kürbesü
bosay[-a dora unaǵu öǵ!]
bo[say-a dora unaba] [[kemeǵü
bu ǵu]] ud[[ċü yaǵu kebtegedkü?
buraǵan eǵen-e inu
bu ǵu ǵu abtaqu ċi ċaǵ-a minu!]]

XIX6. [[bu]]uǵu ül[e]ǵü yaǵu [ke]btegedkü?
budangǵadċü [aǵsan] eǵen-e inu
[bu ǵu] ireǵü abtaqu ċi ċaǵ-a minu!
erdem-tü sayın itelǵü!

Пропуск не менее одного листа.

XX6. da
egereǵü kürçü irebesü
egüden dora yaǵu qordaqu?
. anda kümün-e [odu]qu ċi ċaǵ[-a minu]
.
.

XXB. [[ǵa]] sayın [eǵen-e inu]
[[ǵa :u]] [kür]besü
[[ǵa]] [dora yaǵu] qordaqu?
ǵalayıus köbegüd[-tür] samarǵun oduqu ċi ċaǵ-a mi[n]u!
[[.a]] sayın ǵalmai-a!
.aǵu kürçü irebe[sü]
jebe dora unaǵu öǵ!
jebe dora unaba [ke]meǵü
jalidċü kürçü yaǵu kebtegedkü?

XXГ. ǵayǵatu sayın eǵen-e inu
arċilajǵu erıǵü abtaqu ċi ċaǵ-a minu!
altaǵan ǵurǵuldaı ċaǵ-a inu
eke elbür eke-dürıyen
qarıǵu daǵu daǵu[lar-a] kürbe

eke elbür eke minu
..... *gergen*
..... *çinu*
.....

XXa.
.....
.....
.....
.....
ayuljalduy[-a] kemejü egüsbe

Пропуск, вероятно, одного листа.

XXIIa. *yorçisu!*
eke elbür eke minu-a!
öleγγün ebesün öleγγire kürbe.
öner sadun egüsür-e [kü]rbe.
örüg nuntuy-turiyan egüssü!
..... *u*
eke elbür eke minu
[.....r]-a kürbe
..... *i* *da* *uylaya-dur kü[rbe]*
sayuqui [[aqu]]i yağar-tur XXIIIö yorçisu!
eke elbür eke minu!
eke elbür eke [inu]
qariyu dayu dayular-a [kürbe]
..... *u çinu üsüken*
..... *[alta] bolyasu! kemele.*
ada bu *-a buu dabariya!*
ağira [degde] çay-a minu!
ebçigün-ü çinu üsüken
egüdmel alta bolyasu XXIIa kemelei.
emgeg jobalang-dur bu[u] dabariya!
egüs degde çay-a minu!
tobçiyin çinu üs[üke]n
tong altan bolyasu! kemele.
[to]d[qa]r ada-dur buu joly[a] çay-a minu!
[te]ri[gü]n-ü çin[u] üsün
delekei altan bolyasu! [[kemele]]

XXIIö.
[[açitu]] s[ayı]n ejen-e inu
[[ayıju?]] kürbesü
adayirtu tergen dora yayu qordaqu?
a *çartu-da samayun odu[qu] çı çay-a minu!*
alaya-yuyan

Пропуск одного листа.

XXIV. *ailun (?) tedüi tejiyesügc[i]*
aruyun (?) tedüi altağan [bolıyasu!]
[de]gdeküi çar-turiyan
eke elbür eke-dürriyen
teyin kemen dayulaşuru.
ayula-yin ebes-ün alançılar-a kürbe.
aqa degü eçire kürbe.
aquy-a sarıqu nunturı-turiyan aşirasu!

Перевод

Начало отсутствует.

XXIа. «Когда ты с решимостью достигнешь [[благодетельного]]
властителя,

пади под перекладиной!
Зачем огорчаться
на том основании, что упал под перекладиной?
[[К благодетельному] прекрасному властителю
. будешь ты взято, дитя мое!]
.
.

XXIб.
.
[[«Человеком]] [взято] ты [будешь, дитя] мое!
Когда ты с решимостью достигнешь заботливого властителя,
пади под [воротами]!
Зачем глядеть и смотреть,
оттого, что упал
под [воротами]?»

XIXа. «Смотревшим властителем
будешь ты забрано и взято, дитя мое!
Когда ты достигнешь [[с решимостью]] божественного
властителя,
[пади под] порогом!
[[Зачем и
на том основании что]] [упал под порогом]?
[[К божественному властителю
будешь ты и взято, дитя мое!]]»

XIXб. Зачем оставаться и ?
Приходя и к омраченному властителю, будешь
ты взято, дитя мое!
О достойный и прекрасный кречет!»

Пропуск не менее одного листа.

XXб. «Когда ты в надежде придешь к ,
зачем огорчаться под дверью?
К залятому человеку [отправись] ты [дитя мое]!»

.
XXв. [«Когда ты достигнешь]
[.] и прекрасного [владельца],
[зачем] огорчаться [под]?
К рабам отправишься ты в расстройстве, дитя мое!
О, и прекрасный ястреб!
Когда ты достигнешь вплотную,
пади под острием!
Зачем лукавствовать
на том основании, что упал под острием?»

XXг. «На службу, будучи разыскиваемо, будешь ты взято, дитя мое,
судьбою данным прекрасным владельцем!»
Золотой соловушко, дитя ее,
приступил к пению ответной песни
матери своей, милой матушке.
«Мать, милая матушка моя!
. жена
. твой

XXа.
.
.
.
сказал: «Встретимся!» и отправился.

Пропуск, вероятно, одного листа.

XXIIIа. «Отправлюсь!
О мать моя, милая матушка!
Трава лужайки стала сочнеть,
близкие друзья стали отправляться.
Да отправлюсь я на свою приветливую родину!
.
Мать моя, милая матушка!
. стали
достиг
Отправлюсь в страну, где буду жить!»
XXIIIб. Мать моя, милая матушка!»
Мать [его], милая матушка
[Приступила] к пению ответной песни:
«Волосики твоей

сделаю [. золотыми]» сказала она.

«Не подвергайся нападению со стороны злого духа и . . . !

Шествуй [взлети], дитя мое!

Волосики твоей груди

Я сделаю отделанным золотом!» сказала она.

XXIIa. «Увечьям и страданьям не подвергайся!

Отправляйся, взлети, дитя мое!

Волосики твоей груди

сделаю сплошь золотыми!», сказала она.

«С [напастями] и злыми духами не встречайся, дитя мое!

Волосы на твоей [голове я сделаю] рассыпным золотом!»,

сказала она.

XXIIб.

.

«Когда ты [[в страхе]] достигнешь

[[благодетельного]] и [прекрасного] властителя,

зачем огорчаться под тесовой телегой?

К имеющему руки отправишься ты в смятении,
дитя мое!

Свои ладони»

Пропуск одного листа.

XXIV. «Буду питать с аил (?)!

Сделаю и золотым с корзину (?)!»

Во время своего взлета

матери своей, милой матушке

так спел он:

«Горные травы начинают становиться лужайкой,

братья начинают отправляться.

Отправляюсь я на свою родину, где проживаю, чтобы быть
там!»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ

Рукопись представляет большой интерес с различных точек зрения: с палеографической, лингвистической, историко-литературной и культурно-исторической, так как она является одним из весьма немногочисленных дошедших до нас памятников монгольской письменности древнейшего периода ее развития.

Прежде всего остановимся на вопросе о датировке рукописи. Рукопись эта никаких дат не содержит, тем не менее датировать ее можно, как сказано выше, довольно точно, так как XI фрагмент рукописи, один из фрагментов текста на уйгурском языке, содержит несколько ясно сохранившихся знаков монгольского квадратного письма, которые мы здесь, за отсутствием квадратного шрифта, воспроизвести не можем, но которые мы

можем передать соответствующими знаками латинской транскрипции как *ral-baq-šī-č'a*.

Мы не можем определить языка, которому принадлежат слова, остатками коих являются эти слоги, ибо, как известно, квадратным алфавитом писали не только по-монгольски, но и по-китайски, по-тибетски, на санскрите и даже на тюркских языках. Единственное полностью сохранившееся слово *baqšī* 'учитель' одинаково распространено как в монгольском, так и в уйгурском языке. Но вопрос о языке, которому принадлежат обрывки слов, написанные знаками квадратного письма, для нас здесь менее существен. Гораздо большее значение для нас имеют эти знаки в том отношении, что позволяют датировать рукопись и притом довольно точно. Квадратное письмо было введено указом императора Хубилая от 1269 г., а самый новый памятник этой письменности на монгольском языке — неизданная надпись — относится к 1351 г., после каковой даты мы каких-либо монгольских памятников не имеем. Известны, однако, документы на китайском языке, датируемые значительно позже, и в частности имеются китайские ассигнации, напечатанные знаками квадратного письма, относящиеся к пятидесятым годам XIV ст. Во всяком случае можно считать установленным, что квадратное письмо было в употреблении, хотя распространялось слабо, в течение всего юаньского периода, т. е. до 1368 г.

Следовательно, рукопись относится к промежутку времени между 1269 и 1368 гг. При этом можно с некоторой уверенностью утверждать, что скорее всего рукопись относится не к началу этого периода, но к первой четверти XIV ст., ибо нам известно, что распространение квадратной письменности шло очень медленно и, несмотря на повторные императорские эдикты, она прививалась слабо и долгое время оставалась достоянием только некоторых учреждений. Таким образом рукопись эту следует относить к началу XIV ст. Это первое, что можно сказать о нашей рукописи.

От этого периода сохранилось очень немного памятников, вследствие чего мы об этом периоде истории монгольской письменности располагаем весьма скудными сведениями. В сущности говоря, эти сведения в основном исчерпываются данными некоторых камнеписных памятников и ряда документов, перечисление которых мы считаем здесь излишним, так как оно дано в труде Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия».¹ К приводимому там списку древнейших памятников монгольской письменности теперь можно прибавить и эту рукопись. Но этого мало, так как обнаружение одного лишнего памятника, притом столь фрагментарного, как наш, не может существенным образом обогатить наши знания монгольского языка того периода. Значение рукописи, конечно, не в том, что открытие ее увеличивает список древних памятников на одну единицу, но в другом. Прежде всего, это пока единственная монгольско-уйгурская

¹ Лгр., 1929, стр. 34 и сл.

рукопись, притом содержащая глоссы на квадратном письме. Что это монгольско-уйгурская рукопись, а не фрагменты двух рукописей — одной монгольской, а другой уйгурской, — можно заключить по размерам фрагментов, величине букв и по сходству почерка. В конце концов даже неважно, принадлежат ли эти фрагменты одной рукописи. Гораздо существеннее то, что отдельные листки ее были написаны одним лицом и что все фрагменты были найдены в одном погребении при чернильнице и пере. Этот памятник монгольской письменности является одной из тех находок, которые обнаружены наиболее далеко на западе.

Рукопись была обнаружена в Нижнем Поволжье, на б. территории Золотой Орды, и дальше на запад была найдена пока лишь одна пайдза в б. Екатеринославской губ. на Днепре. Говоря о находке этой пайдзы, следует, однако, заметить, что находка ее и этой рукописи факты совершенно не равноценные. Дело в том, что пайдзы представляют своего рода мандаты или пропуска, которые давались гонцам. В силу этого они завозились в весьма далеко от тогдашних центров монгольской империи расположенные местности и попадали в области с немонгольским населением. Поэтому факт нахождения пайдзы в той или другой местности не является свидетельством того, что в такой-то местности в XIII—XIV ст. проживали монголы. Иное дело рукопись. Рукописи типа нашей, содержащие не что иное, как стихи, могли иметь распространение только среди людей, знавших монгольский язык. Следовательно, эта находка является свидетельством того, что на территории Золотой Орды в начале XIV ст. встречались люди, владевшие монгольской письменностью и притом пользовавшиеся монгольским письменным языком не только в канцелярской переписке, но и в быту. Свидетельством этого является факт находки этой рукописной книги стихов: если она и не была написана на месте, то во всяком случае она там кем-то читалась. Что рукопись, однако, была написана на месте, все же вполне возможно, так как она была найдена при чернильнице и пере. А то обстоятельство, что писчим материалом послужила береста, может рассматриваться как свидетельство того, что рукопись эта представляла собой собственность не состоятельного лица, не какого-нибудь военачальника или чиновника, но человека небогатого и принадлежавшего, вероятно, к угнетенному классу. Скорее всего это был писец. Этим, вероятно, и объясняется двуязычность рукописи, а знание двух языков — монгольского и уйгурского — и трех письменностей — монгольской, квадратной и уйгурской — трудно предполагать у простого воина, и, наоборот, владение ими со стороны писца вполне естественно. Можно предполагать, что рукопись была положена в погребение как образчик письма умершего при его орудиях производства. У кыпчаков такие писцы назывались *baqšï*, и засвидетельствованное в рукописи в написании знаками квадратного письма слово *baqšï* как раз могло относиться к этому писцу. Таким образом рукопись эта является весьма ценным свидетельством того, что монгольской письмен-

ностью среди монгольских элементов Золотой Орды продолжали пользоваться еще в начале XIV ст., что, следовательно, монголы, вообще слабо переходившие в Золотой Орде на оседлость, продолжали еще, вопреки утверждению ал-Омари, сохранять свой язык во всяком случае в первой четверти XIV ст.¹ Рукопись является вместе с тем одним из немногих свидетельств использования монголами бересты в качестве писчего материала.² Можно полагать, что береста служила довольно широко распространенным суррогатом бумаги, и это, между прочим, объясняет нам, почему сохранилось так мало памятников письменности того времени, ибо береста гораздо менее устойчива по отношению к атмосферическим влияниям, чем бумага.

Далее, как уже сказано выше, это — пока первая двуязычная монгольско-уйгурская рукопись. Эта двуязычность ее свидетельствует о том, что в улусе Джочи, а может быть и в других областях монгольской империи, попадались монголы, владевшие не только монгольским, но и уйгурским языком, читавшие на этих обоих языках. Сделанное нами допущение возможности двуязычности некоторой части монголов не только на территории улуса Джочи, но и в других областях имеет кое-какие соображения в свою пользу. Дело в том, что рукопись эта содержит, как уже сказано, глоссы на квадратном алфавите. Квадратная письменность была, однако, распространена в основном на территории самого Китая, ибо там было обнаружено подавляющее большинство камнеписных памятников. Широкого распространения эта письменность не получила, и ею пользовались, главным образом, видимо, только в восточных областях Юаньской империи. Даже пайдзы с надписями на квадратном алфавите были найдены исключительно на востоке — одна в Забайкалье, другая в бывшем Мариинском округе Томской губернии, третья в Минусинском округе и последняя в Бэйпине, между тем как на западе были найдены только пайдзы с надписями на уйгурском алфавите. Единственной находкой монгольской книги квадратного письма в западных областях империи является фрагмент, опубликованный Г. И. Рамstedтом, привезенный откуда-то из Восточного Туркестана, следовательно, происходящий все же из местностей, лежащих значительно дальше на восток, чем Поволжье. Поэтому можно допустить, что рукопись была написана на месте обнаружения ее писцом, прибывшим

¹ Ср.: Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда. Лгр., 1937, стр. 48. Впрочем, ал-Омари сам приводит факты, свидетельствующие о том, что в течение первой четверти XIV ст. монголы свой язык сохраняли. Так, напр., ал-Омари сообщает, что сыну Узбека, правившему над кыпчаками, писали по-арабски, но чаще по-монгольски (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 251). В связи с этим заслуживает внимания приводимый Вассафом, писавшим около 1328 г., факт, упоминаемый им при описании событий 1318/1319 г. (= 718 г. хиджры): когда привели к Узбеку двух монголов, схваченных из армии Абу-Саида, Узбек лично стал допрашивать их и при этом по-монгольски сказал Кутлуг-Тимуру и Иса-Гургану: «Тот человек, которого мы ищем, — у нас в тылу. Куда же нам направиться?». Указанием этого факта мы обязаны С. Л. Волину.

² Нам известна еще только одна монгольская рукопись, писанная на бересте: это несколько небольших фрагментов какого-то религиозного сочинения из коллекции 1905 г. — № 10, хранящихся в Рукописном отделении Института востоковедения АН СССР.

из более далеко на восток лежащих областей, или местным человеком, познакомившимся с квадратной письменностью на востоке.¹

Таким образом рукопись эта представляет большой интерес, и находка ее сама по себе является весьма крупным событием, независимо даже от содержания рукописи и степени сохранности ее: если бы она была даже во много раз более повреждена, чем это есть на самом деле, если бы текста ее совершенно нельзя было восстановить и если бы можно было прочесть в ней только несколько строк или слов, даже в таком случае находка эта позволила бы сделать ряд весьма ценных заключений. Между тем, как мы уже убедились выше, значительная часть текста поддается восстановлению и может быть прочтена и переведена, а это еще больше повышает ценность находки.

Наша рукопись отличается как со стороны почерка, так и со стороны языка многими специфическими особенностями, присущими памятникам монгольской письменности начала XIV ст.

Как памятник монгольской письменности XIV ст. рукопись представляет большой интерес в палеографическом отношении.

Как во всех рукописях, датируемых ранее XVII в., так и в нашей рукописи не различаются в письме *ǰ* и *ǯ*, передаваемые одним знаком. Обращает на себя внимание также передача *t*, а также *d* в начале слога в середине слова знаком ᠳ , напр. ᠳᠠᠮᠤᠨ 'величиною', ᠳᠠᠨᠤᠰᠢᠨ 'данный судьбою', ᠳᠠᠰᠤᠰᠤ 'золото', ᠳᠠᠮᠤᠨ 'друг', 'близкий'.

Вместе с тем рукопись обнаруживает ряд более архаичных черт, сближающих ее с грамотами ильханов. Так, напр., мы встречаем начертание знака для *d* совершенно такое же, как в уйгурских рукописях; напр. ср. слово ᠳᠠᠮᠤᠨ 'достойный'. В конце слога *d* передается в некоторых случаях тем же знаком ᠳ , напр. ᠳᠠᠮᠤᠨ 'лукавствуя', ᠳᠠᠮᠤᠨ 'созданный'.

Характерной особенностью почерка рукописи является передача гласного *e* в начале слова знаком, состоящим из двух зубцов, сильно напоминающим знак для *a*, но в отличие от последнего зубцы знака *e* расставлены далеко друг от друга. Таковы слова *eǰen-e* 'властителю', *ebes-ün* 'трава' и др. Другую особенность мы наблюдаем в отношении отдельных написаний *a* и *e*, передаваемых сильно загнутым влево знаком, как, напр., в слове *aq-a* 'старший брат'.

Обращает на себя внимание очень плотно на кружок насаженная головка знаков для *o*, *u*, *ö*, *ü* в начале слова, напр. в словах *ög* 'дай', *unaba* 'упал' и т. д. То же самое можно сказать в отношении начального *n* перед *u* в *nuntuu* 'родина'.

Последнее, что стоит упомянуть, это особое начертание для начальных *q* и *γ*, напоминающее знак для согласного *s*.

Диакритические точки обычно отсутствуют, но наличествуют при *n*

¹ Заканчивая историческую часть исследования, считаем своим долгом отметить, что мы использовали для нее ряд замечаний, сделанных присутствовавшими на предварительном сообщении о рукописи в Институте востоковедения АН СССР.

в начале слова *nuntuγ* 'родина', при *γ* в *daγulaǰuγu* 'пропел' (во втором слогe) и т. д.

Из знаков препинания встречаются *čeg* и *dörbelǰin čeg*. В области орфографии заслуживает внимания раздельное написание слова *ebes-ün* 'трава'. Обратное этому мы видим в отношении суффикса *genitivi* в *öleγγün* 'муравы', где суффикс написан слитно со словом. Слитно написаны суффиксы падежный и возвратного притяжания, напр., в *nuntuγ-turiyan* 'на свою родину'. В отношении ряда суффиксов наблюдается неустойчивость: с одной стороны, *erdem-tü* 'достойный', а с другой — *ǰayaγatu* 'данный судьбою', далее *daγular-a* и *daγulara* 'чтобы спеть'. Отклонения от обычных норм правописания обнаруживают *دورا* *dora* 'под' вместо *دورا* *buraqan* 'божественный' с лишним *a* во втором слогe.

Рукопись представляет интерес и с лингвистической стороны, ибо содержит редкие слова и формы слов. Так как соответствующие слова и формы уже были разобраны выше, каждое в своем месте, упоминаем здесь лишь некоторые из них. К наиболее интересным словам принадлежит *nuntuγ* 'родина', которому в языке монгольской письменности соответствует *nutuγ* и только в Юань-чао би-ши, могольском и монгорском соответствует форма с *n* в конце первого слога, представляющая собою весьма архаичскую форму.

Словарный запас рукописи отличается, кроме того, наличием более нигде не засвидетельствованных слов: *elbür* — эпитет матери, условно переводимый нами как «милая», и др.

Из грамматических форм заслуживают внимания следующие: прошедшее время на *-ǰuγu* = письм.-монг. *-ǰuqi*; форма обращения к первому лицу на *-su* = письм.-монг. *-su* || *-suγai* (суффикс *-suγai* наблюдается в рукописи один раз в составе *teǰiyesügei* 'вскормлю!'); форма прошедшего времени на *-lai* || *-la* (в *kemelei* || *kemele* 'сказал') = письм.-монг. *-luγa* (*-lüge*), разговорн. *-lä* || *-lai* (*-lä*).

Велико также значение рукописи в историко-литературном отношении. Здесь следует прежде всего указать на то, что рукопись содержит первое художественно-литературное произведение, писанное знаками уйгурского алфавита. Как известно, первые памятники монгольской письменности — Чингисов камень, грамоты ильханов и т. д., относящиеся частично к XIII, частично к началу XIV ст., не являются литературными в полном смысле этого слова произведениями, ибо это камнеписные памятники, дипломатические послания, документы и т. д. Мы располагаем сведениями лишь об одном художественном произведении первой половины XIV ст., написанном знаками уйгурского алфавита: это стихотворение Мухаммед ибн Омар ибн Хасан ибн Махмуд Абдал-Гаффар ас-Самарканди, написанное им в 724 г. хиджры на четырех языках, распространенных в ту эпоху в Иране, в том числе на монгольском.¹ Год хиджры 724 соответствует 1324 г. нашего летоисчисления.

¹ E. Blochet. Introduction à l'histoire des mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden, 1910, p. 117.

Таким образом стихотворение ас-Самарканди относится приблизительно к тому же времени, что наша рукопись, но оно осталось неопубликованным, вследствие чего издание настоящей рукописи является пока первым изданием художественно-литературного произведения на монгольском языке, написанного в первой четверти или трети XIV ст. и являющегося либо современным прежде известному стихотворению ас-Самарканди, либо даже еще более ранним.

Из известных нам монгольских произведений художественной литературы только «Сокровенное сказание» является более древним, ибо оно восходит к 1240 г. Однако «Сокровенное сказание» дошло до нас только в китайской иероглифической транскрипции и на монгольском алфавите лишь частью в составе одной рукописи летописи Altan tobči,¹ откуда некоторые фрагменты были заимствованы более поздними летописцами, включившими отдельные отрывки в их сочинения. Кроме того, следует иметь в виду, что «Сокровенное сказание» представляет собою цикл героико-эпических произведений, переработанных с целью дать историю дома Чингисова, и содержит много подлинно-исторических фактов, родословных и т. п., т. е. не является сплошь художественно-литературным произведением, хотя в состав его вошли многочисленные отрывки героического эпоса и лирики.

Исследуемая рукопись является таким образом первым произведением художественной литературы на монгольском языке, писанным знаками уйгурского алфавита, точнее — это первый образчик лирической поэзии на письменно-монгольском языке. Это обстоятельство вызывает, естественно, огромный интерес к вновь открытому памятнику.

Рассматривая рукопись как литературное произведение, можно заметить, что она представляет собою стихотворный текст.

Несмотря на фрагментарность текста, на отсутствие начала и конца его, на утрату многих стихов, разных мест текста и на плохую сохранность отдельных строк, содержание рукописи все же поддается определению. Основное содержание ее составляет диалог матери и сына.

На основании общего контекста можно заключить, что мать провожает своего сына, отправляющегося в дорогу. Сын отправляется, повидимому, на службу к кому-нибудь из представителей господствующего класса, вероятно, к одному из военачальников, так как в песне упоминается какой-то властитель (*eĵen*). К сожалению, довольно многочисленные эпитеты этого властителя не дают возможности с точностью определить, кем он является. Обращаясь к сыну с напутствием, мать говорит ему, чтобы он не огорчался, когда достигнет своего властителя. Речь идет, повидимому, о тех огорчениях, которые простой воин неизбежно должен испытать на службе у лица, в социальном отношении стоящего значительно выше. Далее, мать выражает надежду на то, что он не подвергнется страданиям, увечьям и действию злых духов. Эти благопожелания матери чередуются с нежными выражениями по адресу сына, называемого матерью прекрасным кречетом.

¹ Опубликована в издании Научно-исследовательского комитета МНР в 1937 г.

«Отправляйся и взлети, дитя мое! Волосики твоей груди сделаю сплошь золотыми! С напастями и злыми духами не встречайся, дитя мое! Волосы на твоей голове я сделаю рассыпным золотом!», говорит мать. Ответная песнь сына полностью не сохранилась. Отвечая своей милой матушке, сын говорит, что горные травы стали уже сочными, а близкие друзья уже отправляются в кочевку и что он хочет ехать к себе на родину.

Содержание этого стихотворного текста и общий тон его мало характерен для аристократической поэзии монголов XIII—XIV ст. На этом основании мы полагаем, что имеем здесь дело не с литературным произведением господствующего класса монгольской военно-феодальной империи, но с народным произведением, фольклорным, образчиком древнемонгольской народной лирики, притом с древнейшим образчиком из числа дошедших до нас.

Текст представляет большой интерес также со стороны внешней художественной формы, так как он обнаруживает все специфические особенности, характерные для монгольского стихосложения.

Прежде всего наш стихотворный текст характеризуется последовательно проведенной аллитерацией.

Мы видим, что первая строфа текста в том виде, как он нами восстановлен, содержит стихи, в которых аллитерирующим является слог *a*: *ačitu* — *arqayun* и т. д. В следующей сохранившейся строфе аллитерирует слог *qa*: *qarayun* — *qayalya* — *qayalya* — *qara:ju*.

В следующей строфе аллитерируют слоги *bu* и *bo* и т. д.

Одной из наиболее сохранившихся строф является следующая:

ebčigün-ü činu üsüken
egüdmel alta bolγasu kemele.
emgeg jobalang-dur bu[u] dabariγda!
egüs degde čaγ-a minu!

«Волосики твоей груди
я сделаю отделанным золотом!» сказала она.
«Увечьям и страданиям не подвергайся!
Отправляйся, взлети, дитя мое!»

В этой строфе, содержащей четыре стиха, аллитерирует всюду слог *e*.

Кроме аллитерации первого слога каждого стиха или каждой строки строфы наблюдается тоже характерная для монгольского стихосложения так называемая внутренняя аллитерация, т. е. аллитерация начальных слогов полустроков, т. е. двух половин той же строки, разделенных цезурой, напр.,

<i>ölenggün ebes-ün</i>		<i>ölengjire kürbe</i>
<i>öner sadun</i>		<i>egüsüre [kü]rbe</i>

Трава лужайки начала сочить.
близкие друзья стали уходить.

Следующей важной особенностью монгольского стихосложения является параллелизм, заключающийся между прочим в том, что содержание разных

строф того же произведения в значительной степени является повторением одного и того же, обнаруживая лишь небольшие отклонения, относящиеся не столько к смысловому содержанию, сколько к средствам выражения смысла. Так, напр., мы видим, что первая строфа отличается по содержанию от второй лишь в очень незначительной степени:

«Когда ты с решимостью достигнешь [[благодетельного]]
властителя,
пади под перекладиной!
Зачем огорчаться
на том основании, что упал под перекладиной?»
«Когда ты с решимостью достигнешь заботливого владетеля,
пади под [воротами!].
Зачем глядеть и смотреть,
на том основании, что упал под воротами?»

В этих двух соседних строфах разными являются лишь эпитеты властителя (благодетельный — заботливый), названия предметов, под которыми должен упасть сын (перекладина — ворота), и слова, выражающие побочные действия во время лежания (огорчаться — смотреть). То же самое можно сказать о целом ряде других строф, напр.:

«Волосики твоей груди
я сделаю отделанным золотом!», сказала она.
«Увечьям и страданиям не подвергайся!
Отправляйся, взлети, дитя мое!»
«Волосики твоей груди
сделаю сплошь золотыми!», сказала она.
«С [напастями] и злыми духами не встречайся, дитя мое!»
«Волосы на твоей [голове]
я сделаю рассыпным золотом!», сказала она.

В этих строфах меняются лишь названия частей тела (грудь — голова), эпитеты золота (отделанное — сплошное), названия предметов, действию которых сын не должен подвергаться (увечья и страдания — напасти и злые духи), а также конечные глаголы (не подвергайся — не встречайся). В отличие от этого вида параллелизма, заключающегося в почти буквальном повторении того же смысла и только в частных различиях средств передачи его, который условно можно назвать синонимичным параллелизмом, в нашем тексте наблюдается еще другой, заключающийся в сопоставлении двух понятий, между которыми проводится некоторая аналогия и который условно можно назвать аналогичным параллелизмом.

Примером последнего является следующее:

öleṅgün ebes-ün öleṅgüre kürbe
öner sadım egüsür-e [kü]rbe
Трава лужайки стала сочнеть,
близкие друзья стали уходить!

И далее:

aγula-yin ebes-ün alančilar-a kürbe
aga degü ečir-e kürbe

Горные травы начинают становиться лужайкой,
братья начинают отправляться.

Переходя к вопросу о количестве стихов в строфе, укажем, что вышеприведенная строфа *ebčigün-ü činu üsüken* и т. д. состоит из четырех строк.

Такое же четырехстишие представляет собою следующая строфа:

. *u činu üsüken*

. *alta bolγasu! kemele.*

ada bu a buu dabariγda!

aγira degde čay-a minu!

«Волосики твоей

сделаю [. золотыми]», сказала она.

«Не подвергайся нападению со стороны злого духа и. . .!

Шествуй, [взлети], дитя мое!»

На ряду с четверостишиями мы встречаем также строфы, содержащие до шести строк. Таковы, напр., следующие:

[[ačitu]] ežen-e simurγuγu kürbesü

arqayun dora unaju ög!

arqayun dora unaba [kemejü]

ariyaju kürcü yayu keb[tegedkü?

ači]tu sayin ežen[-e inu]

[[. u ju abtaqu či čay-a minu!]]

qarayun ežen[-e inu] simurγuγu kürbesü

qa[γaly]a dora unaju ög!

q[ayaly]a dora unaba kemejügü.

qaraju üjejü yayu kebtegedkü?

qaraju aγsan ežen-e inu

qamuγu qurijaju abtaqu či čay-a [m]inu!

Как видно, здесь и в смысловом отношении и со стороны внешней формы некое единство образуют строфы, состоящие из шести строк.

Таким образом мы видим, что наш текст содержит весьма типичные и для современного стихосложения стихи: аллитерация, внутренняя аллитерация, параллелизм, строфы из четырех и шести стихов — все это является характерным и для современного стихосложения. Текст рукописи является, таким образом, важным свидетельством того, что с внешней стороны монгольский стих за истекшие шесть столетий не претерпел каких-либо изменений, что, следовательно, монгольская народная песня, в частности, оказывается со стороны внешних поэтических приемов весьма консервативной. Об этом свидетельствуют и древнейшие эпические и лирические отрывки, вошедшие в «Сокровенное сказание» и в более поздние летописные сочинения.

Как известно, количество слогов в монгольском стихе на протяжении одной и той же песни или героико-эпического произведения подвержено колебаниям и не отличается большой выдержанностью. Эта невыдержанность стихотворного размера нашего текста значительно бóльшая, чем в более поздних произведениях.

Возьмем для примера следующее четверостишие:

ebčigün-ü činu üsüken
egüdmel alta bolγasu!
emgeg jobalang-dur buu dabariγda!
egüs degde čaγ-a minu!

— — | — — | — — | — — —
 — — — | — — | — — —
 — — | — — | — — | — | — — | — —
 — — | — — | — — | — —

Здесь количество слогов в разных стихах разное: в первом — 9, во втором — 8, в третьем — 11, в четвертом — 8. Обычным же количеством слогов монгольского народного стиха является семь или восемь.

Несколько иная картина получается, если эту строфу читать не в соответствии с орфографией письменного языка, но применительно к живому произношению:

öbčün̄i čin̄ üsexē
üdmel̄ alta bolγasū
emgeḡ joblārd̄ bū̄ dairayda
egüs̄ degdē čaγā̄ min̄

— ' | ' — | ' — —
 ' — | ' — | ' — '
 ' — | ' — | ' | ' — —
 — ' | ' — | — ' —

Здесь количество слогов во всех стихах более или менее одинаковое: в первом — 7, во втором — 7, в третьем — 8, в четвертом — 7.

На основании этого можно высказать предположение, что стихи вроде приведенного, уже в эпоху XIV ст. должны были читаться не на письменномонгольский лад, но на разговорный: лишь в последнем случае получаются стихи с более или менее постоянным количеством слогов. Так как в начале XIV ст. уже наметилось стяжение двух слогов в один долгий, по исчезновении *γ* и *g*, то такое предположение не лишено вероятности.

SUMMARY

In 1930 was found in the ground near the village Ternovka (Podgornoye), ASSR of the Germans in the Volga region, a box of birch-bark containing a manuscript on birch-bark, a pen made of bone and a bronze inkstand. An archaeological examination of the country has shown that the mentioned objects were found in a tomb referring to the XIV or XV century and that there has been a settlement of the Golden Horde.

The manuscript was delivered to the Hermitage in Leningrad. It was stated, that a part of it was written in the Uighur language and the other part in Mongolian. Although the manuscript is very fragmentary and in bad state, it succeeded to decipher the Mongolian part. The manuscript bears no date but nevertheless it can be dated as one of the fragments contains some syllables in the ḥPhags-Pa script, which was introduced by the emperor Khublai in 1269 and was used till the end of the Yuan dynasty (1368). The manuscript refers probably to the first quarter of the XIV century.

The contents of the manuscript are verses. This circumstance essentially facilitates the restoration of the whole text, since proceeding from the laws of alliteration, parallelism etc. similar texts can be restored with exactitude.

The manuscript in question is of great interest being the first discovery of this kind. It proves that on the territory of the Golden Horde the Mongolian language did not disappear at once and that it subsisted at any rate during the first quarter of the XIV century and was used not only in official correspondence but also in common life.

The manuscript is the most ancient example of the Mongolia lyric poetry written in Mongolian characters. Finally it is interesting also in respect of the palaeography and the language.

By the reason that the manuscript was written in Uighurian and in Mongolian and its author was acquainted not only with these two languages but also with the ḥPhags-Pa script, it must be assumed that the author was not a warrior but a writer.

As to the contents the verses are not characteristic for the aristocratic poetry of those times but represent a paragon of folklore.

At last it can be settled that the character of the verse only insignificantly differs from the actual popular songs which for that reason must be considered in this respect as very conservative.

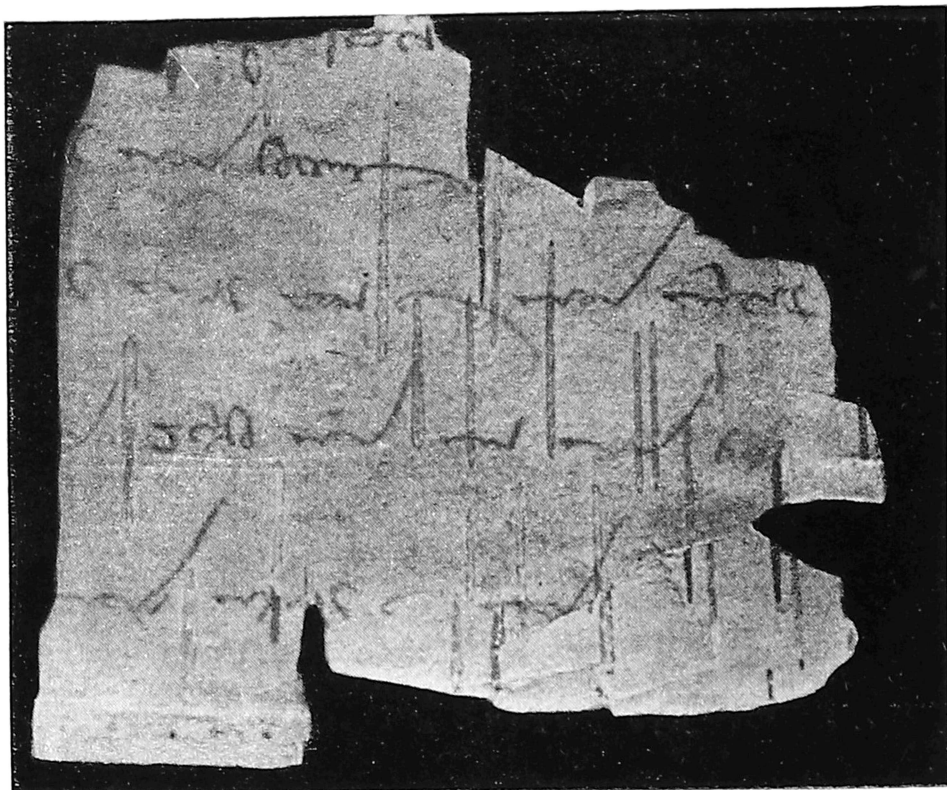
СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Чтение отдельных фрагментов	7
Опыт восстановления текста	36
Лингвистические и культурно-исторические выводы	46
Резюме	57
Таблицы	59

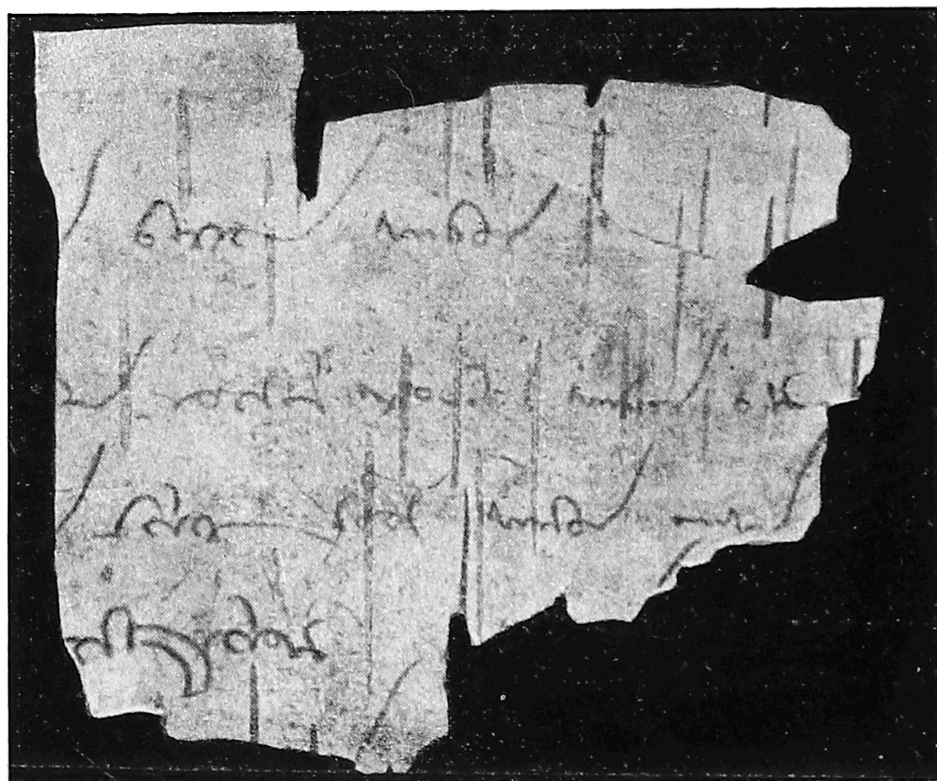

ТАБЛИЦЫ

Таблица I

б.

а.

Таблица II

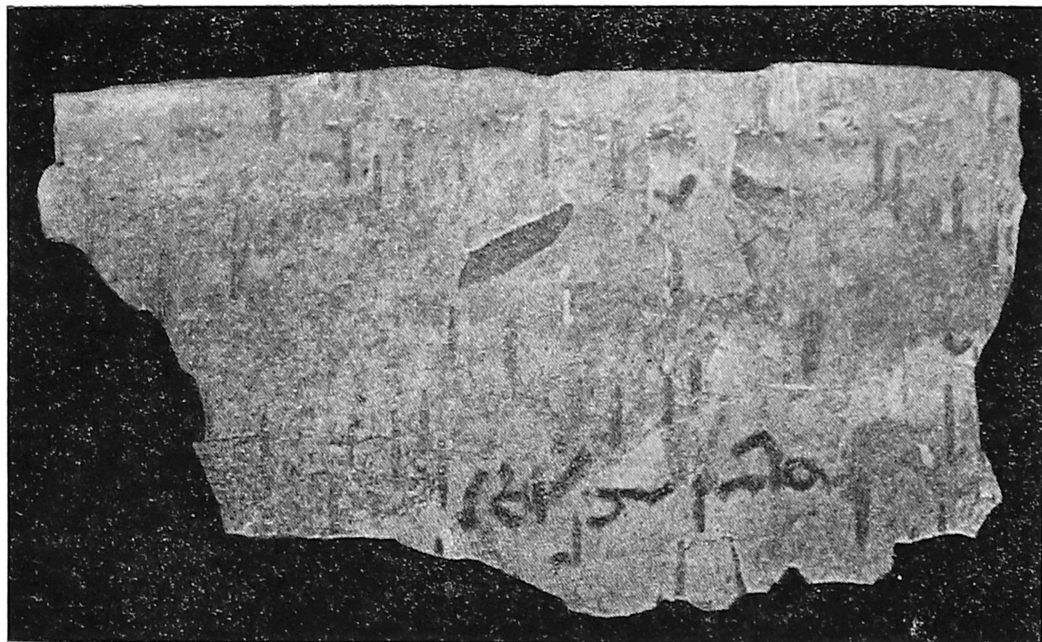

б.

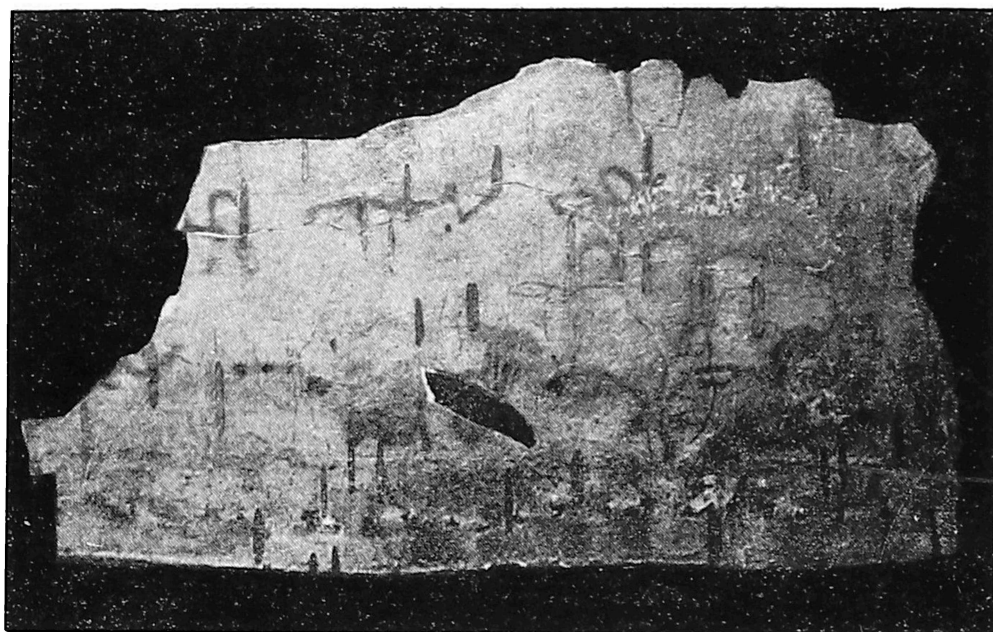

а.

Таблица III

а.

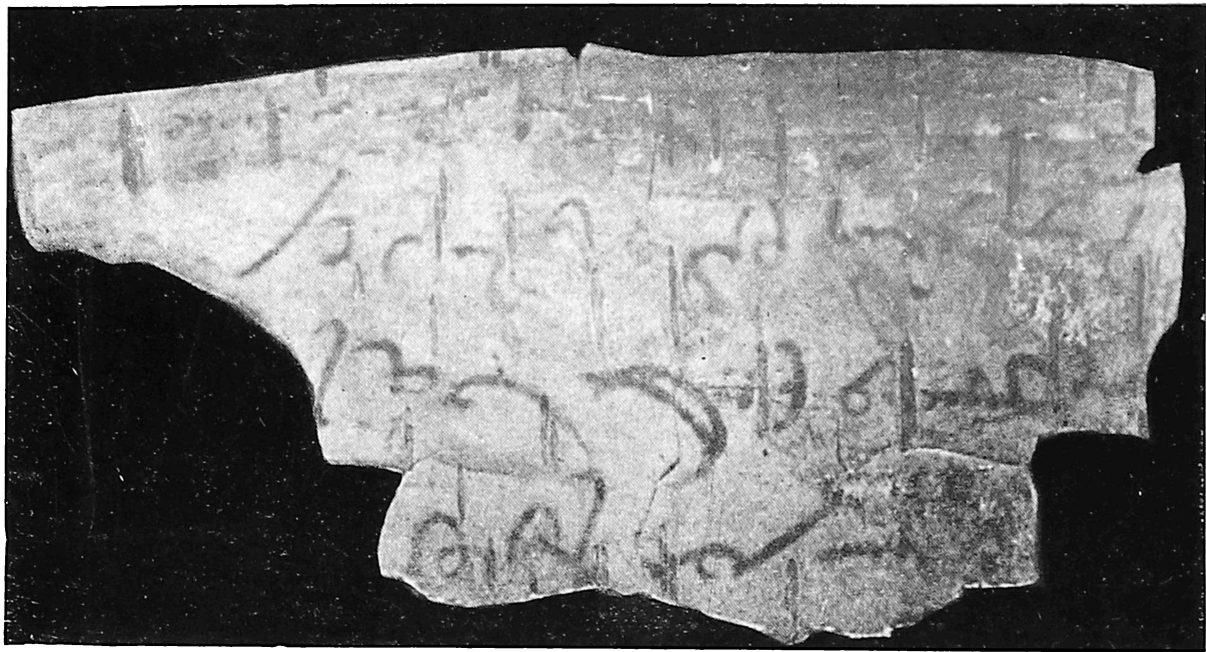

б.

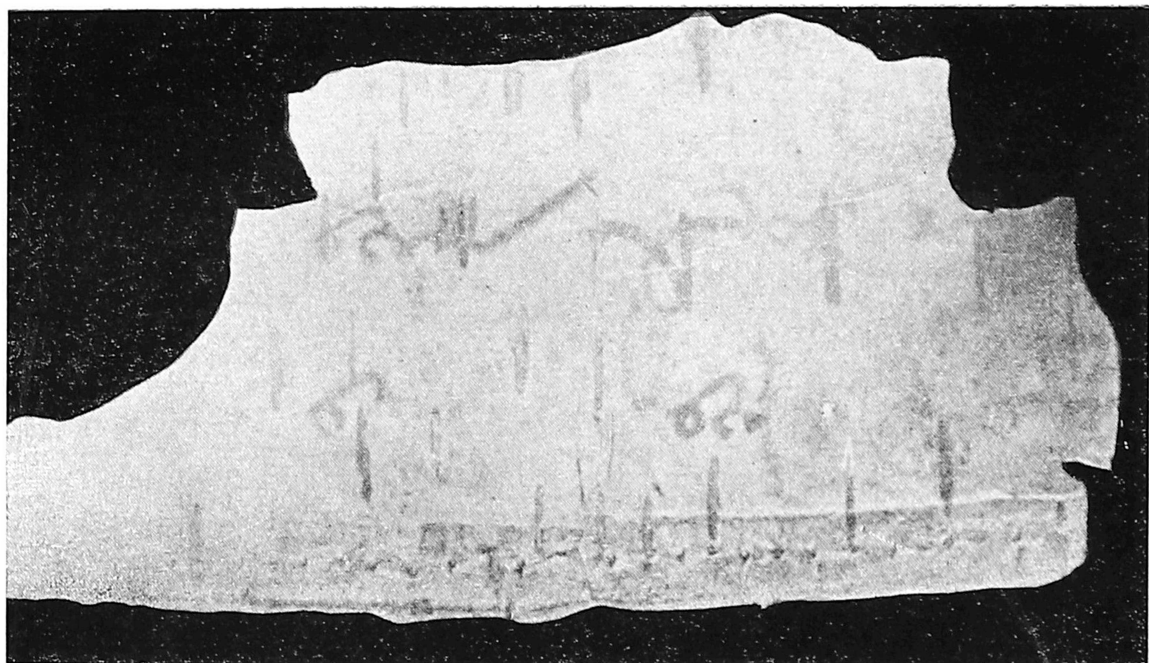
Таблица IV

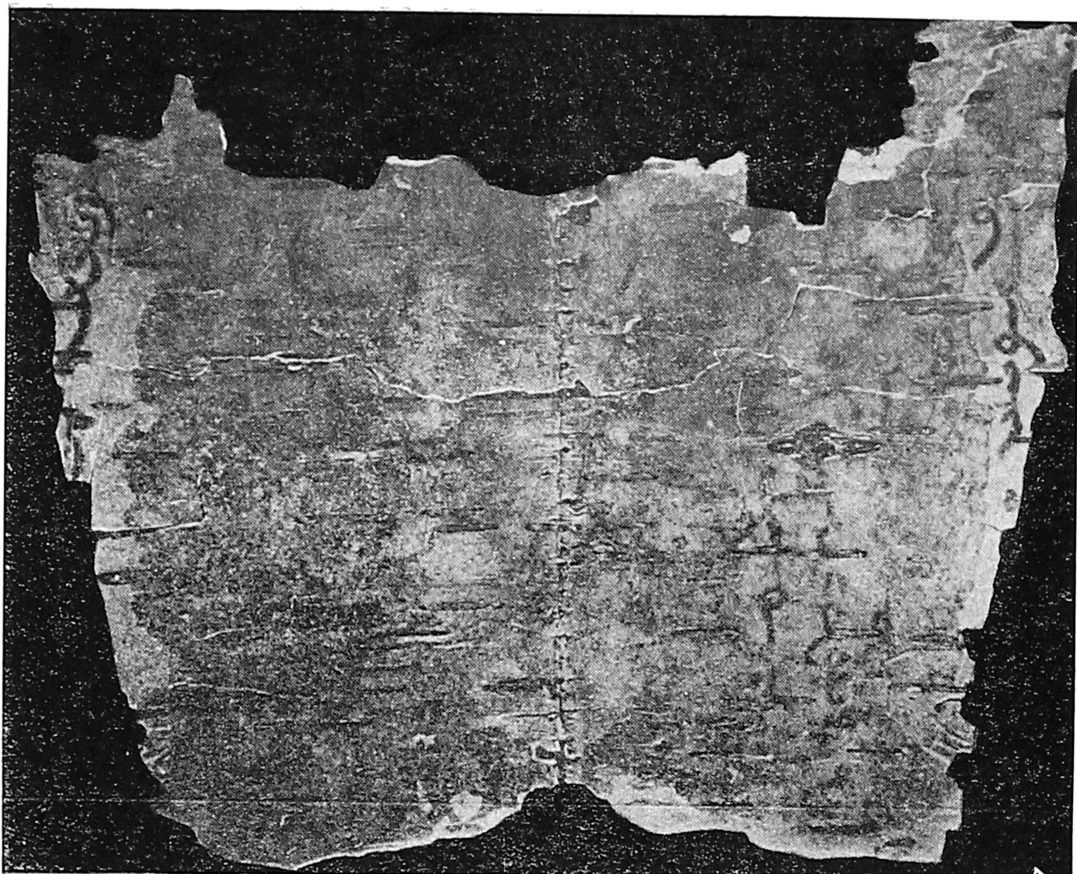
Таблица V

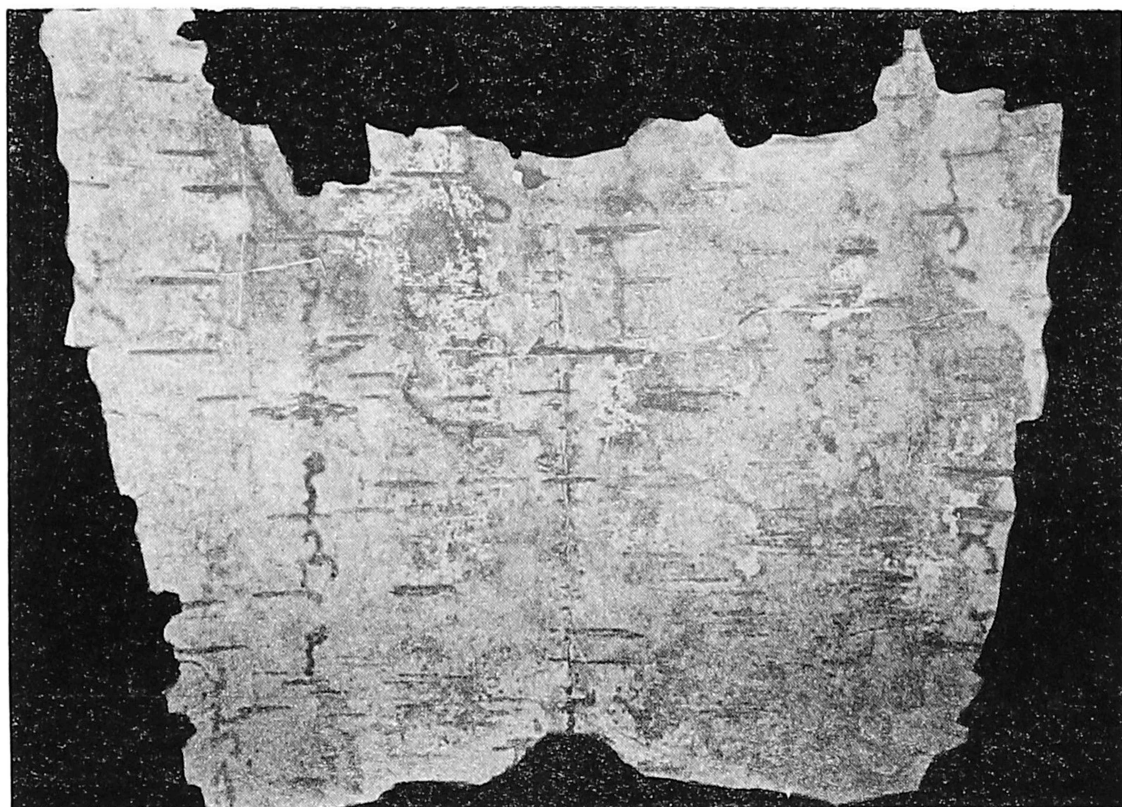
б.

а.

а.

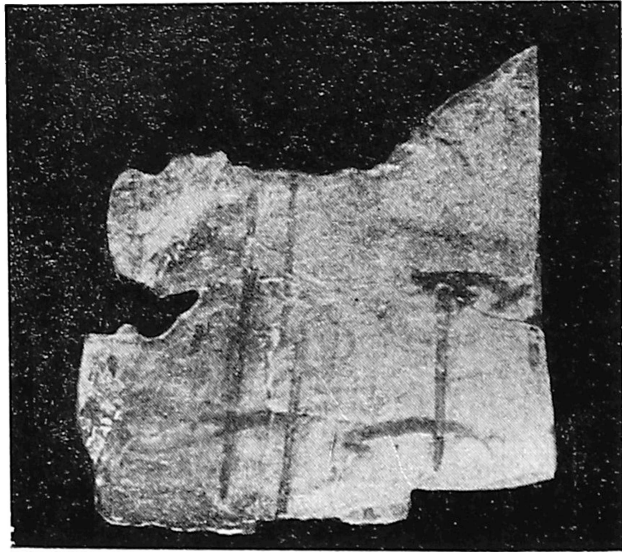
б.

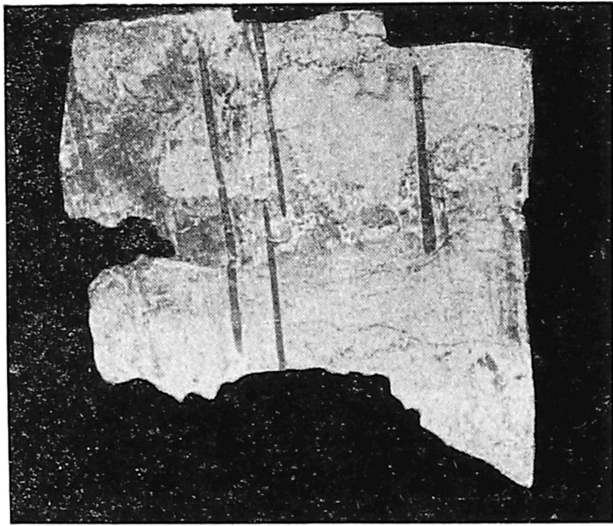
а.

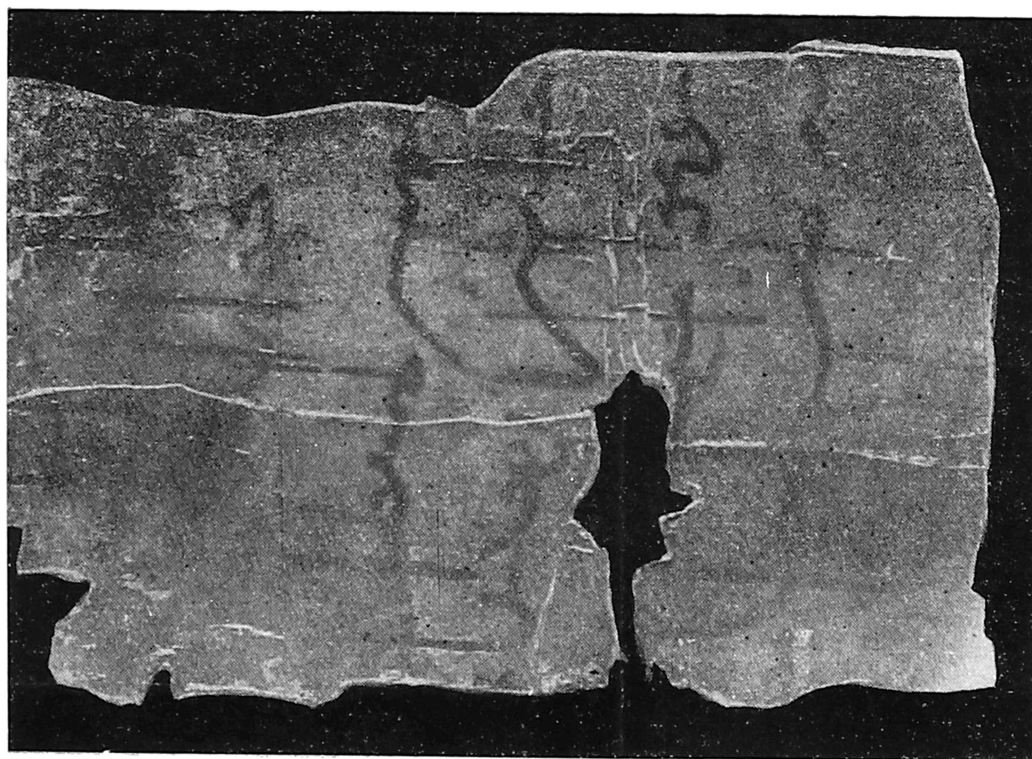
б.

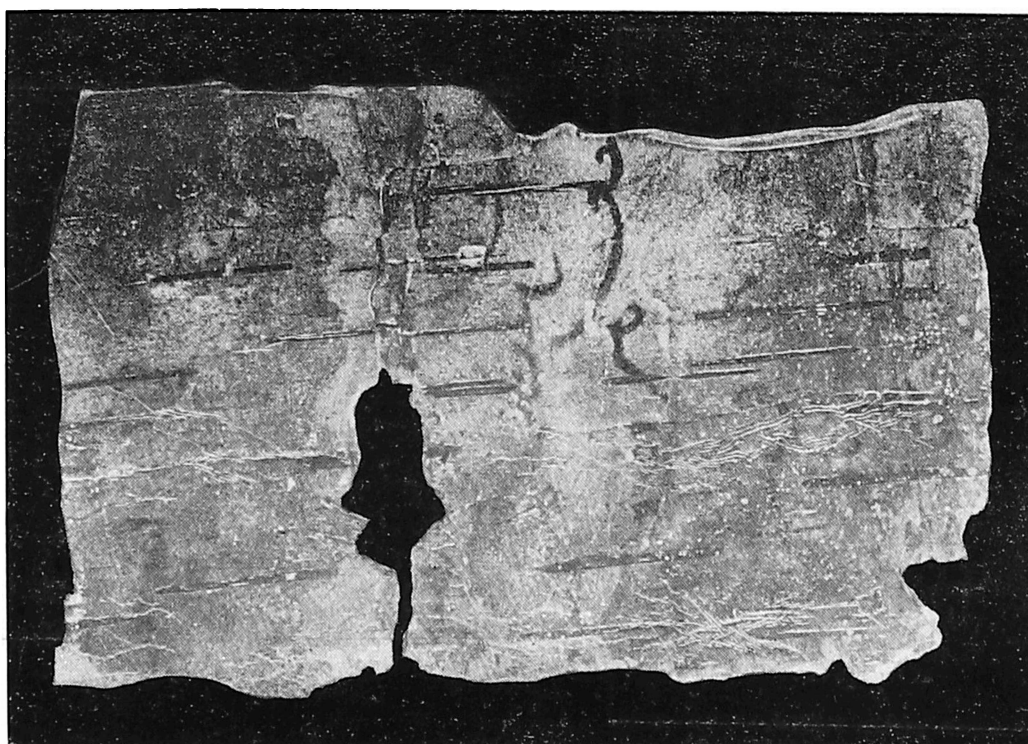
в.

г.

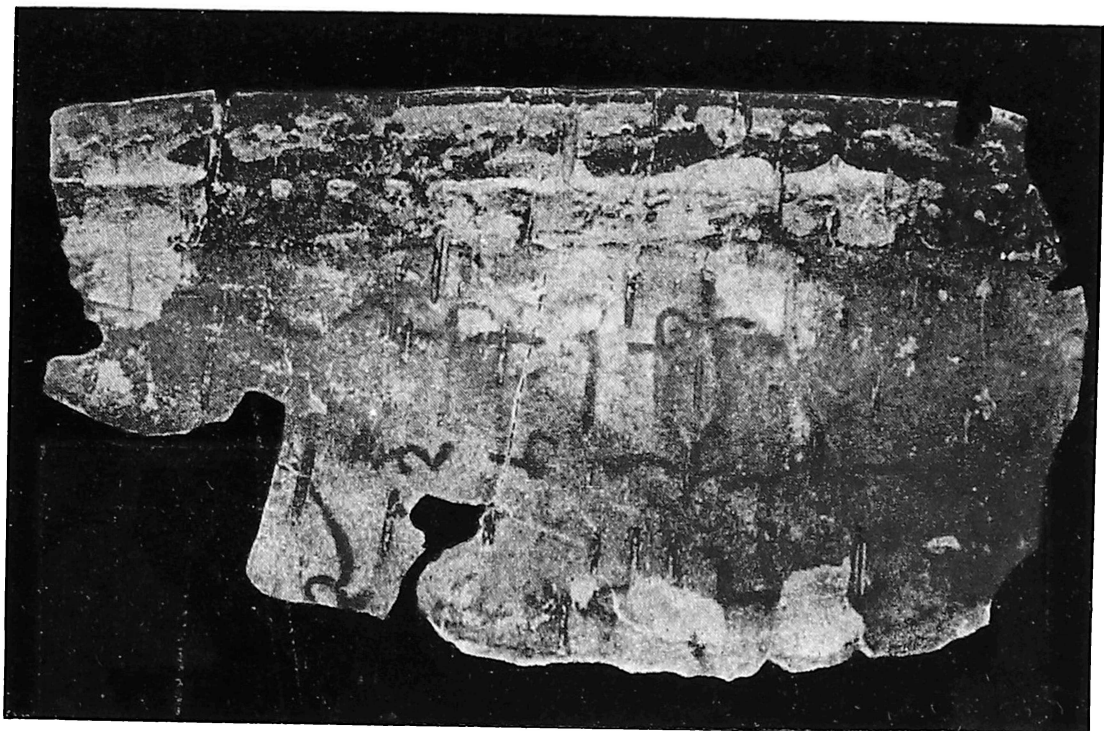

а.

б.

Таблица IX

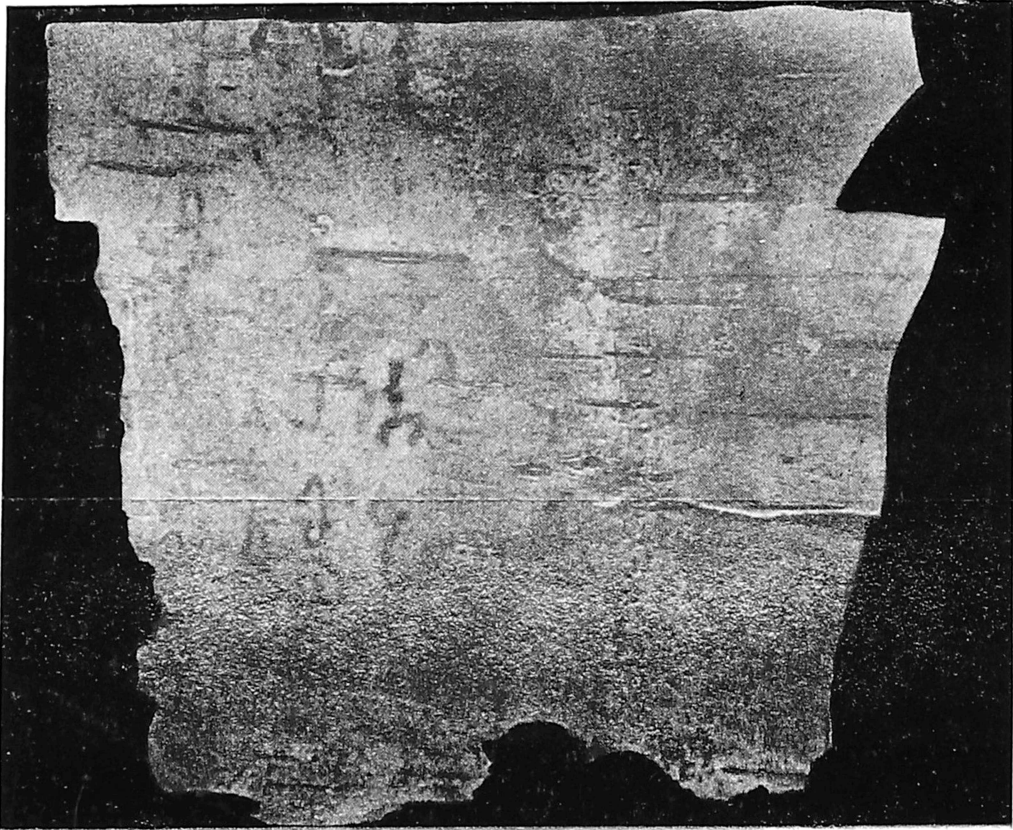

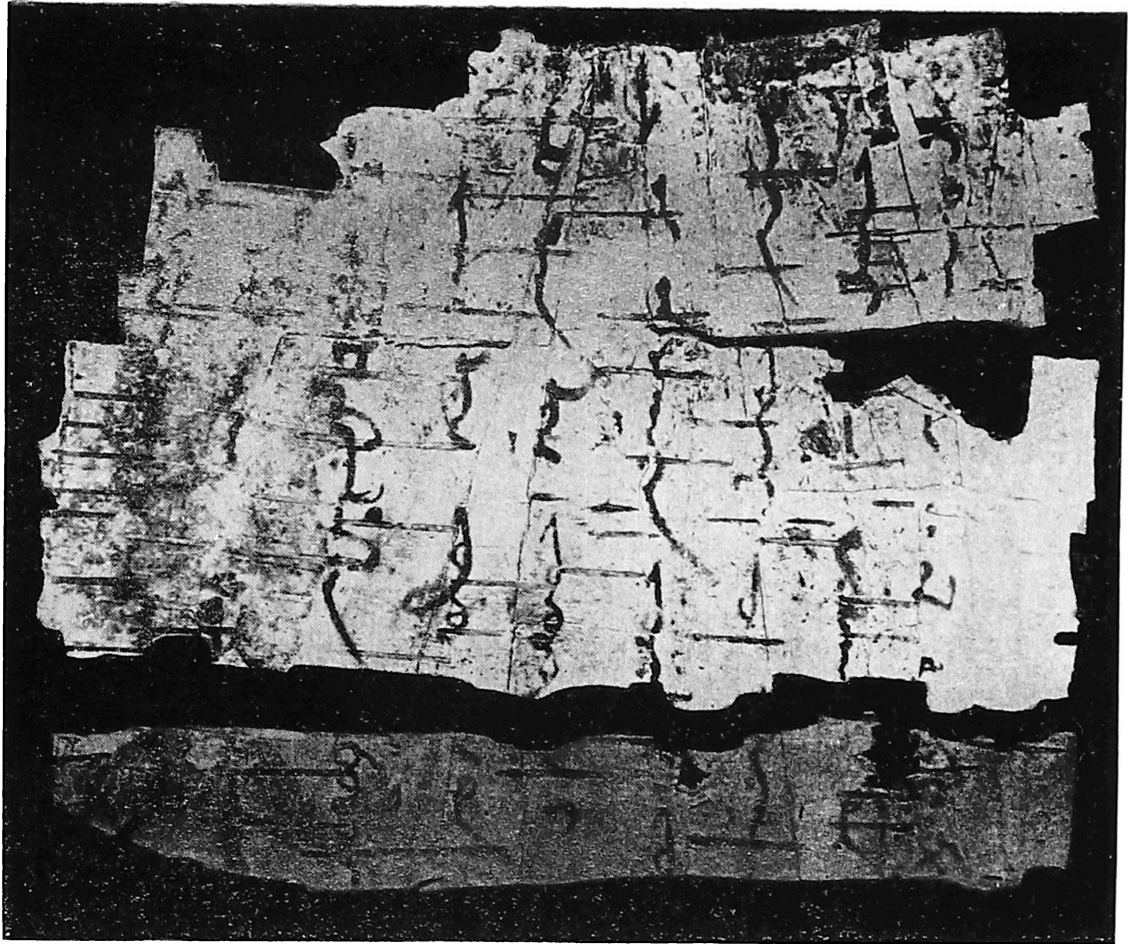
б.

а.

Таблица X

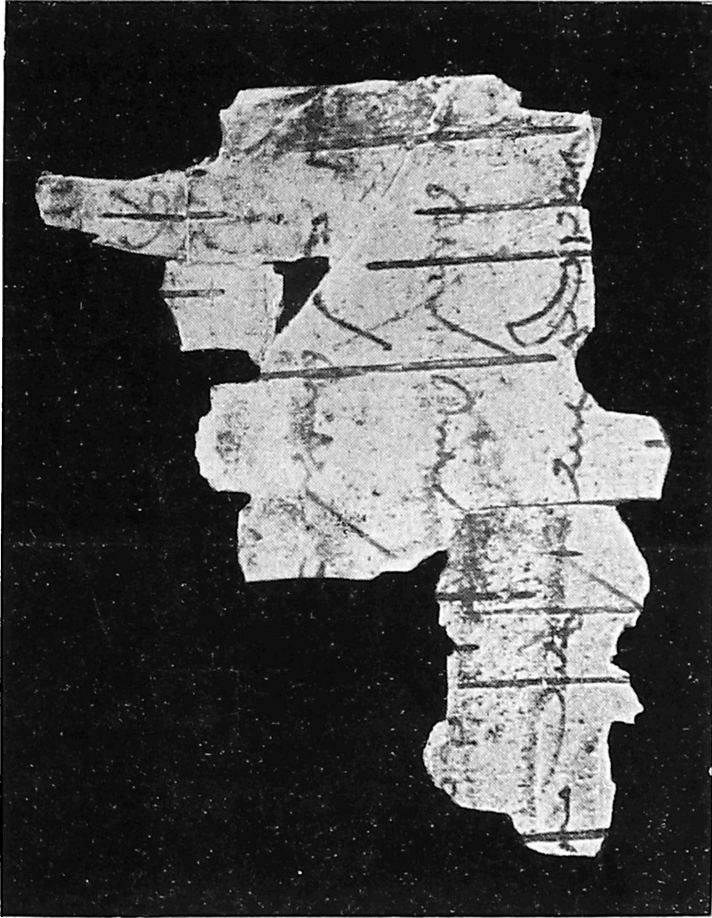
a.

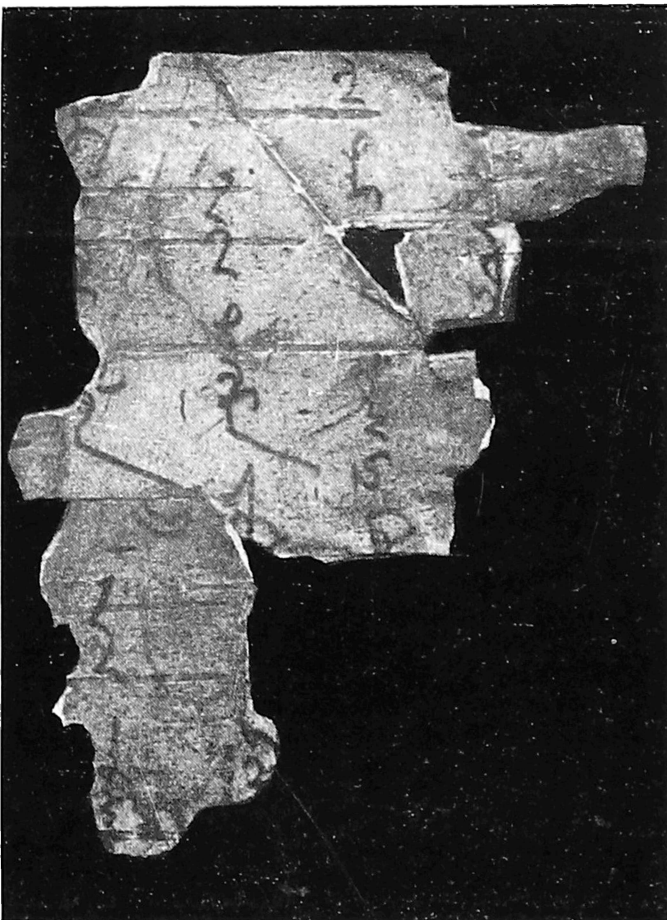
б.

Таблица XII

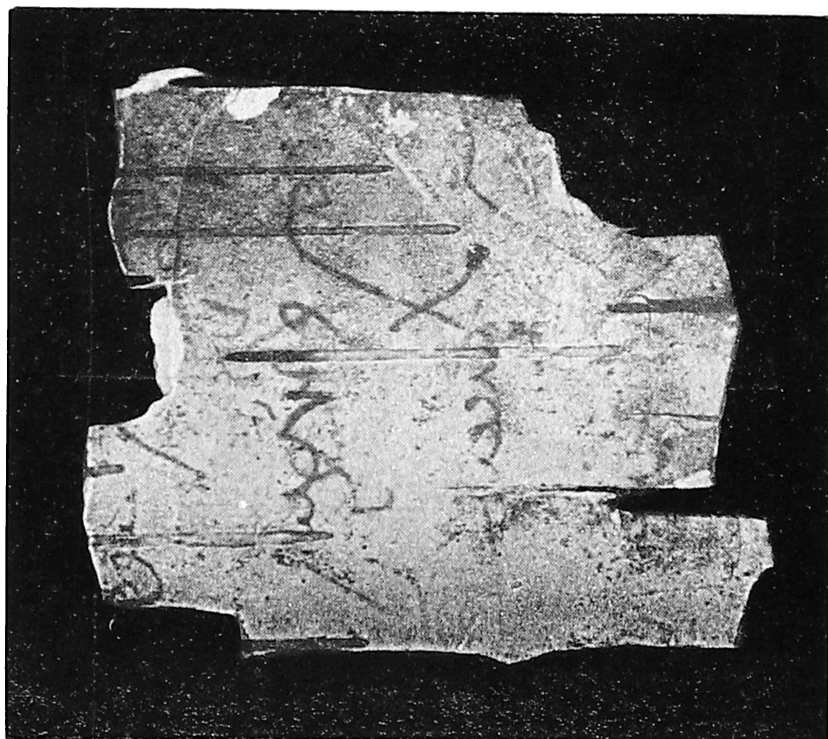

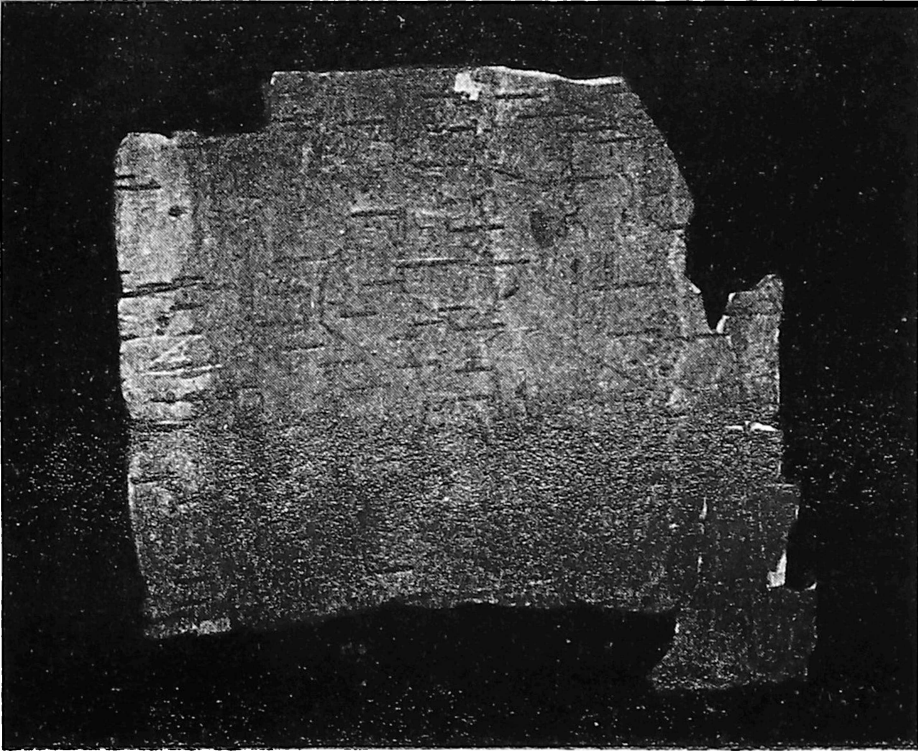

а.

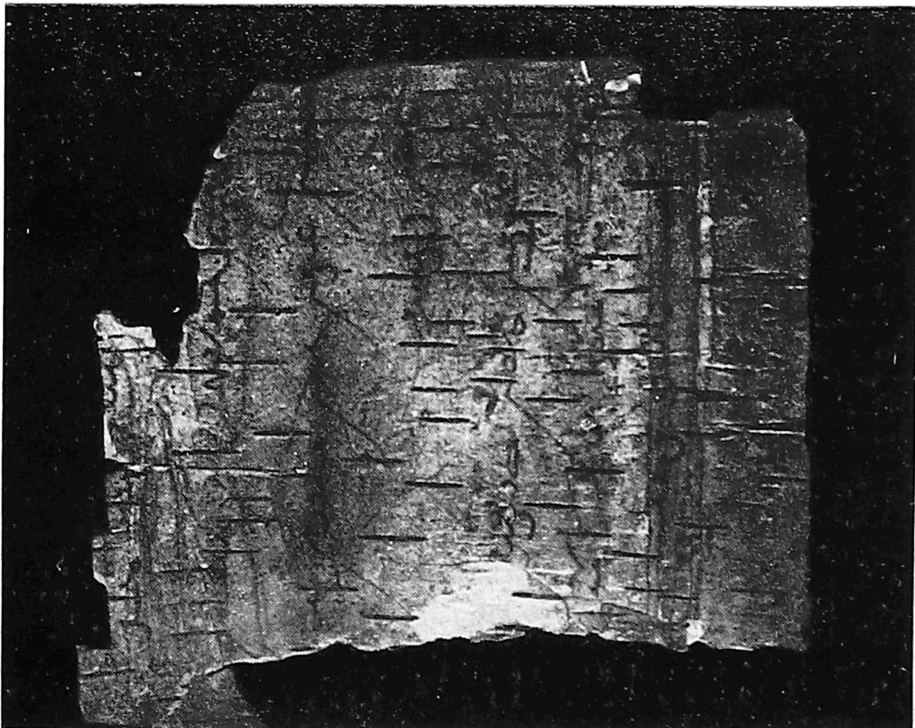

б.

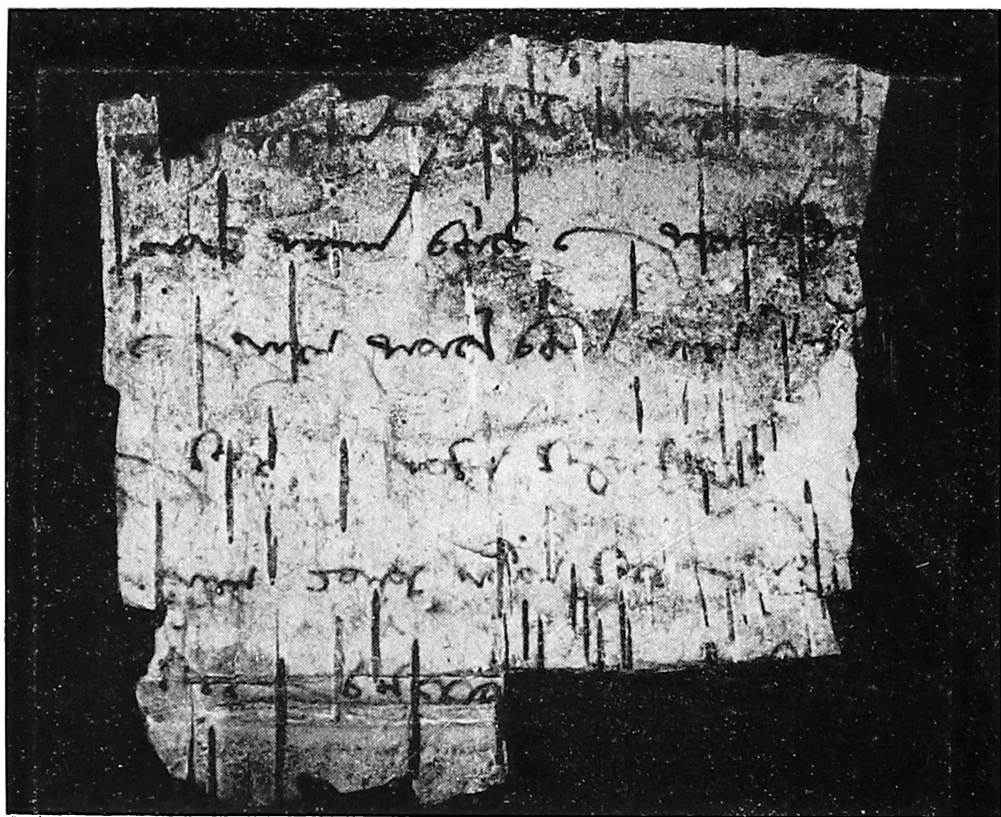

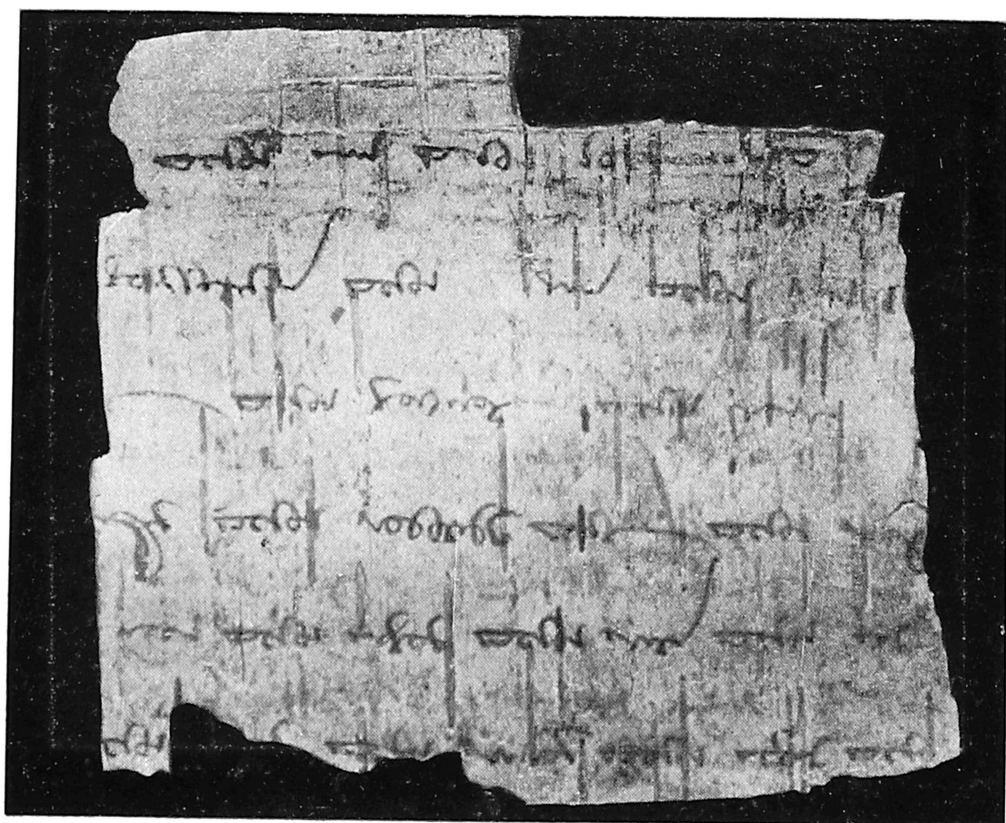
а.

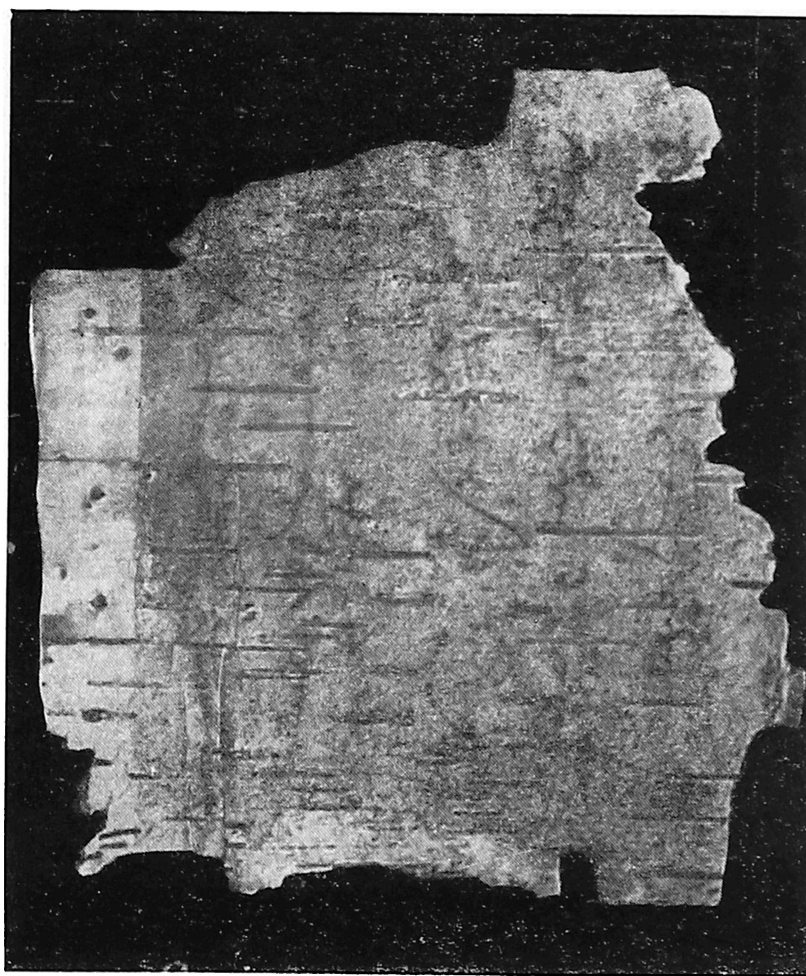
б.

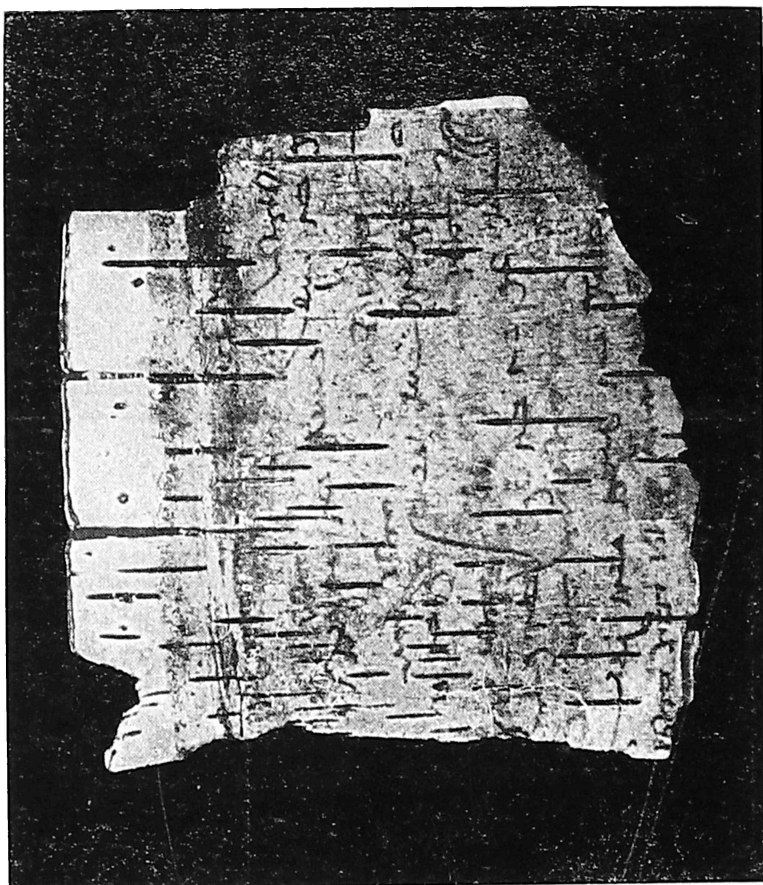

б.

а.

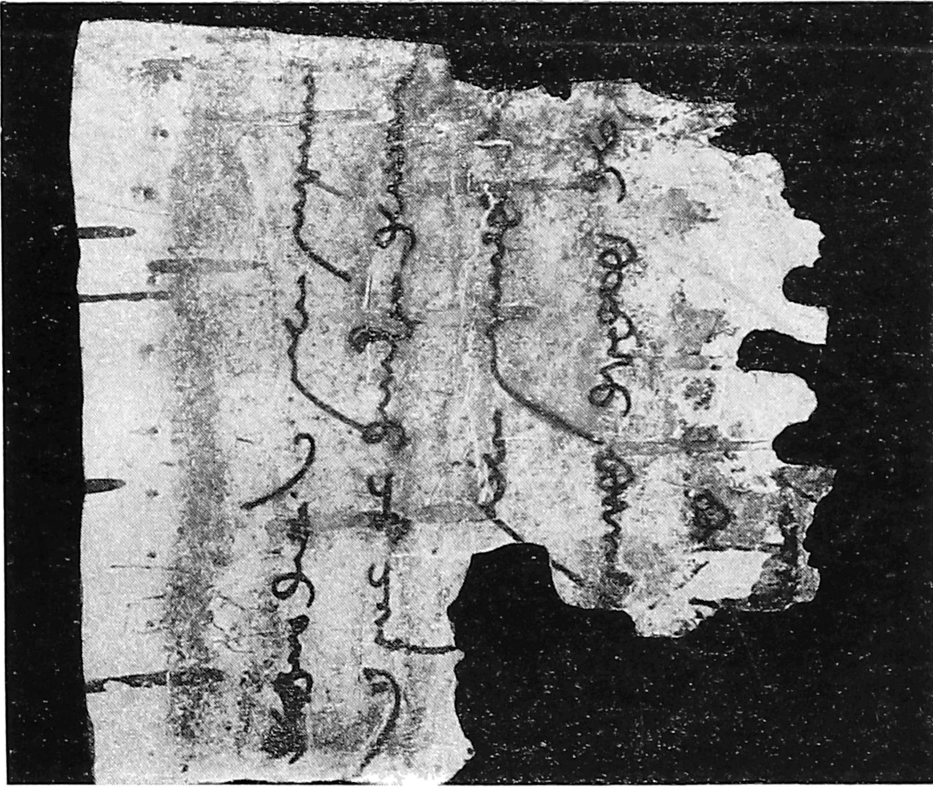

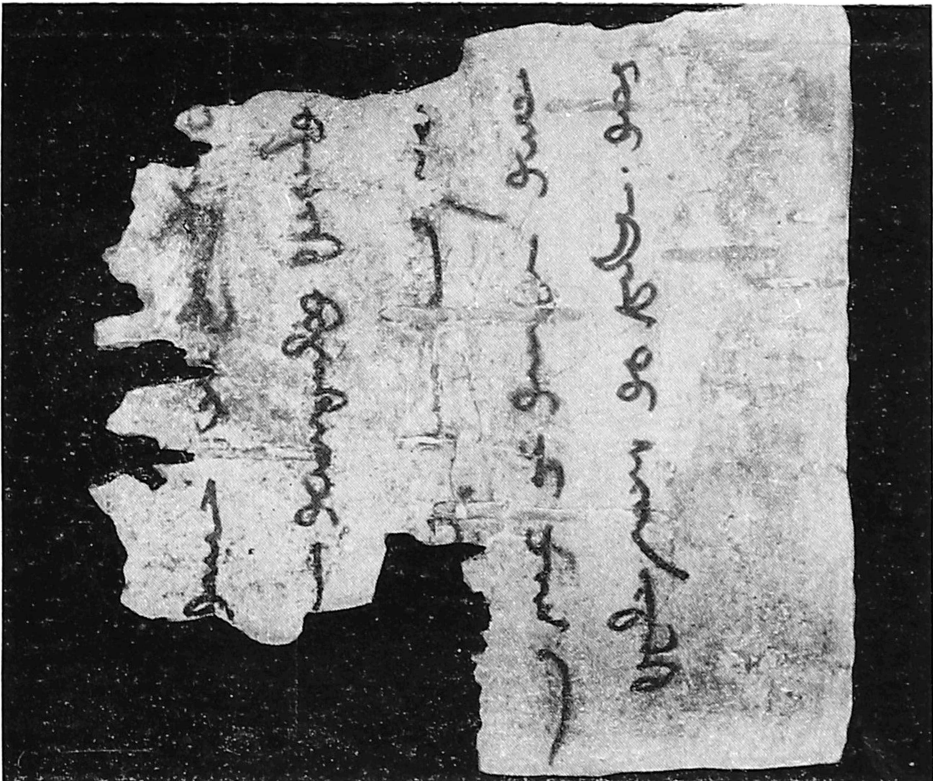
а.

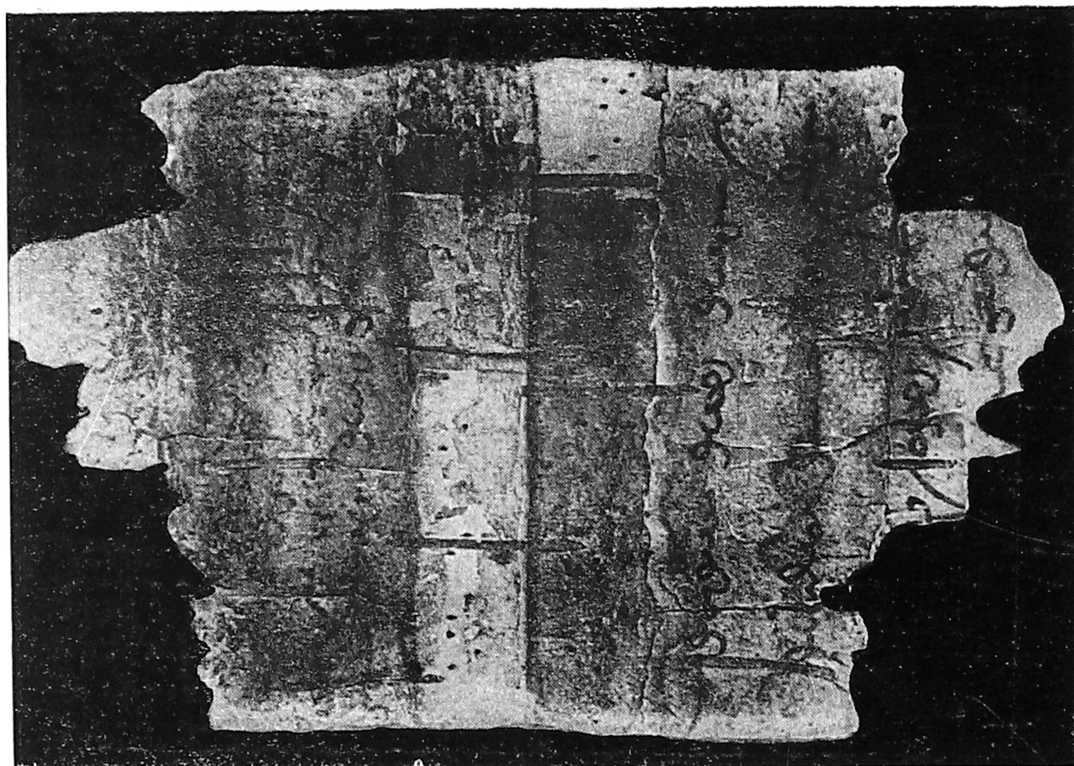
б.

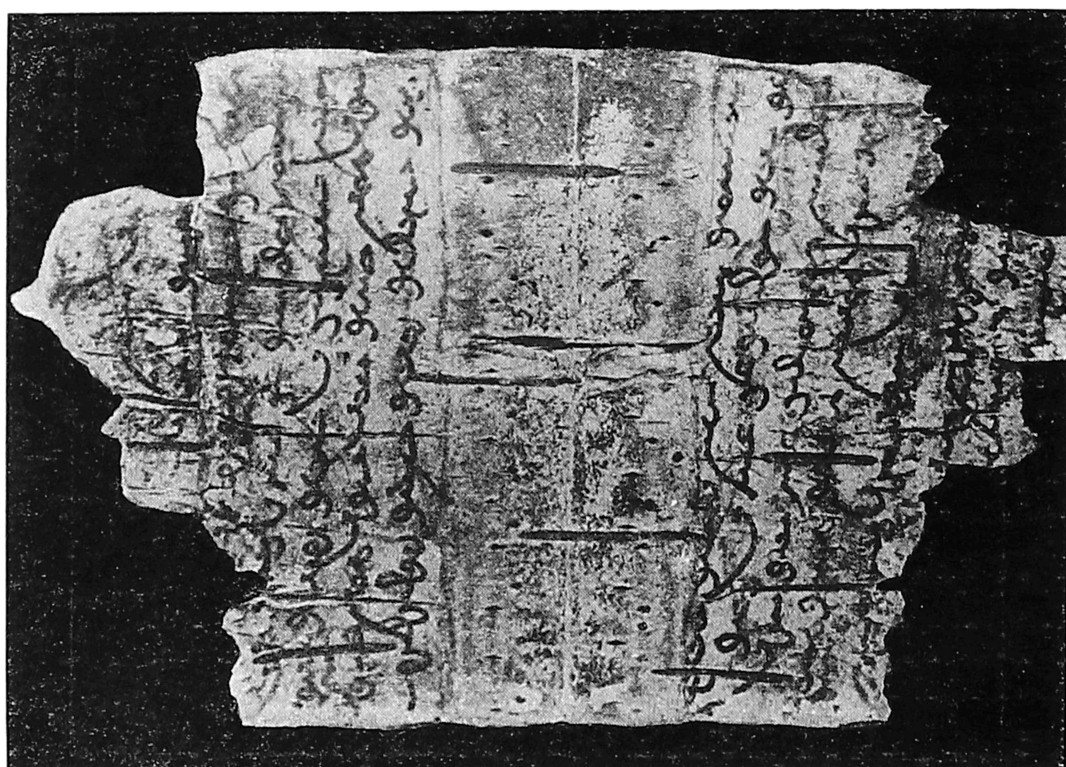
a.

b.

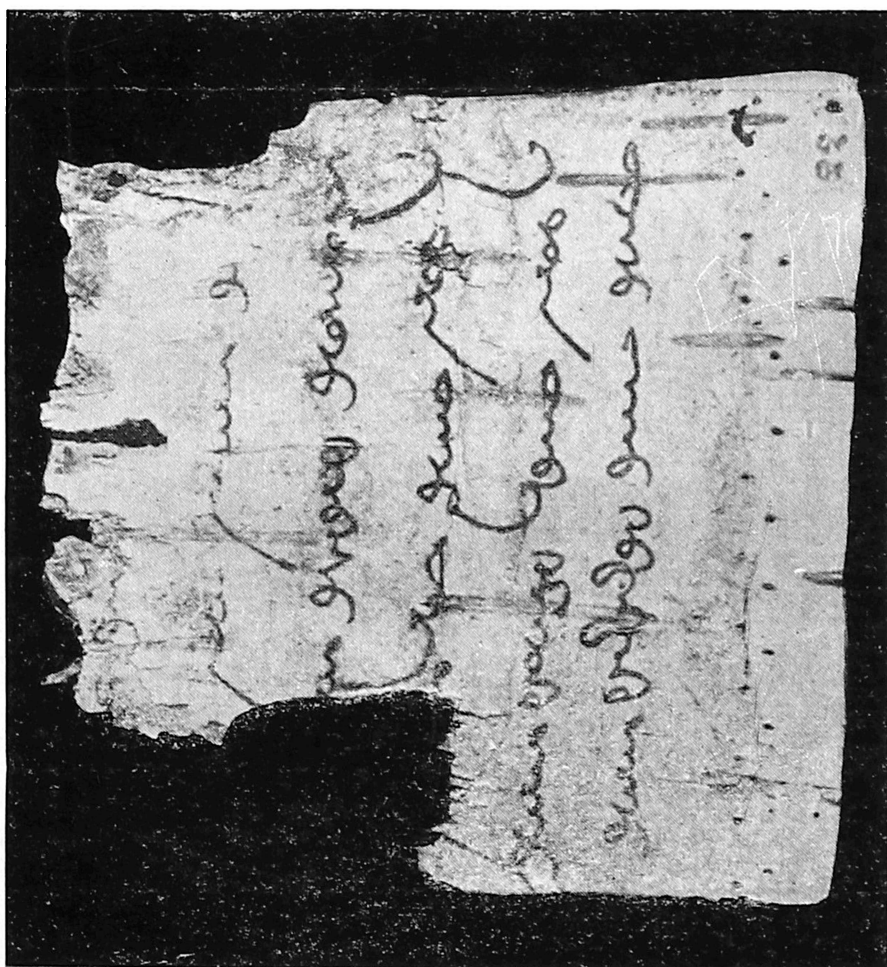
а — б.

б — 2.

а.

б.

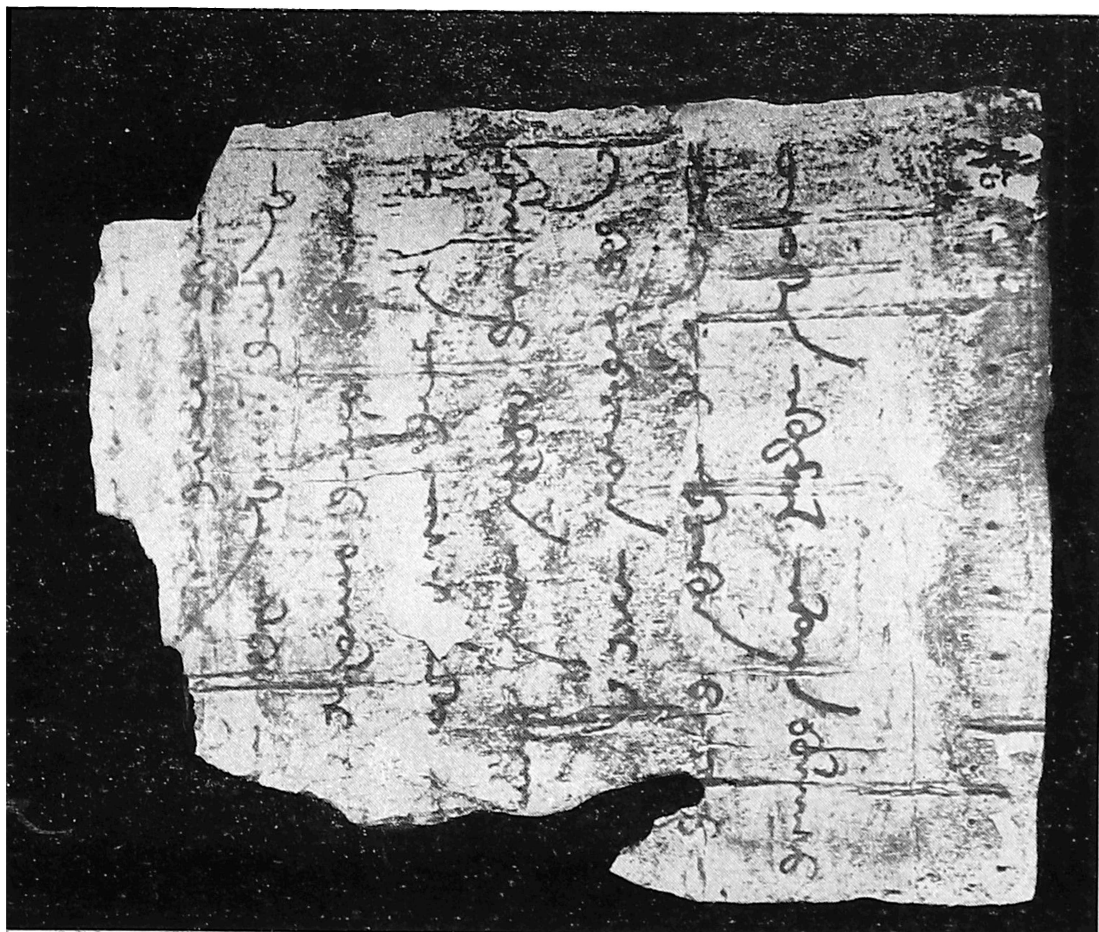
a.

b.

а.

б.

Таблица XXIV

Цена 5 руб.

С 11-31 г.
Цена — р. 50 к.

ЛОИИ
III г. 9344.